

Юрий Сотник - Как я был самостоятельным

Легко ли быть самостоятельным?

Как считаешь, можно тебя назвать самостоятельным? Наверняка ты уверенно ответишь: «Да!» А почему? Что ты умеешь делать сам? Вот кто-то гордится тем, что может сходить в магазин за продуктами. Кто-то без подсказки родителей знает, когда делать уроки, а когда гулять. А кто-то может приготовить на всю семью завтрак. Да еще и посуду помоеет, и братишке поможет в школу собраться.

Вот Леша Тучков, герой рассказа «Как я был самостоятельным», в свои девять лет успел и пожить один-одинешенек, без родителей, и организовать репетицию школьного спектакля прямо у себя дома. А какой переполох устроил другой чрезвычайно самостоятельный мальчик Боря из рассказа «Гадюка», когда ехал в поезде, – никому не пожелаешь попасть в такую

переделку! В общем, оказалось, что самостоятельность – штука хитрая. Но ты и сам в этом скоро убедишься, ведь перед тобой целая книжка рассказов про Лешу, Борю и других мальчишек и девчонок. Написал про этих ребят Юрий Вячеславович Сотник (1914–1997), и уж он-то знал, что такое самостоятельность и чего она стоит.

А началось все очень давно. В далеком 1924 году четвероклассник Юра Сотник решил написать рассказ про котенка, который жил у него в квартире. «А что, если бы кот вел дневник и записывал там все, что видит и слышит?» – подумал он, написал рассказ, послал его на школьный конкурс... и занял первое место! Тогда Юра спросил у мамы: а можно ли не ходить на работу, как другие люди, а только писать рассказы и этим жить? Мама сказала: «Можно, но для этого надо стать писателем».

Только стать писателем – это еще труднее, чем сделаться самостоятельным. Нужно очень много чего знать и много повидать. Вот и Юрий Сотник столько разных занятий перепробовал, столько профессий освоил, что просто поразительно! И фотографией занимался, и в газете работал, и кочегаром служил, и рыбачил, и даже сплавщиком леса на северной реке Лене был. И всюду подмечал разные интересные вещи, запоминал забавные истории.

Может быть, поэтому его рассказы всегда правдивые, все в них самое настоящее: и дружба, и обиды, и сомнения героев такие же, как у нас с тобой. А если приключения и кажутся порой невероятными, так на то они и приключения, и нам от этого только интереснее. Да и чего только не бывает в жизни, особенно когда учишься быть самостоятельным!

Дрессировщики

В передней раздался короткий звонок. Бабушка вышла из кухни и открыла дверь. На площадке лестницы стоял мальчик, которого бабушка еще не видела. Он слегка поклонился и очень вежливо спросил:

– Извините, пожалуйста. Тут живет Гриша Уточкин?

– Ту-ут, – протянула бабушка, подозрительно оглядывая гостя.

Сам мальчик произвел на нее довольно приятное впечатление. Он был одет в тщательно отутюженные синие брюки и чистенькую желтую тенниску с короткими рукавчиками. На груди у него алел шелковый галстук, золотистые волосы его были аккуратно расчесаны на пробор.

При всем этом он держал под мышкой очень грязную и рваную ватную стеганку, а в другой его руке был зажат конец веревки, привязанной к ошейнику криволапой, неопределенной масти собаки с торчащей кочьями шерстью. Вот эта стеганка и эта собака заставили бабушку насторожиться.

– Скажите, а можно видеть Гришу?

– Мо-о-ожно, – после некоторого колебания протянула бабушка. Она хотела было сказать, что собак не следует водить в комнаты, что от них одна только грязь, но сдержалась и лишь добавила: – В ту дверь иди.

Однако мальчик не повел собаку в комнату, а строгим голосом сказал:

– Пальма, сидеть! Сидеть! Пальма, кому говорят? Сидеть!

Пальма зевнула и села с выражением безнадежной скуки на бородатой морде. Мальчик привязал конец веревки к перилам и только после этого постучал в указанную бабушкой дверь.

Гриша, коренастый, с копной темных взъерошенных волос и с суровым выражением лица, пилил в это время какую-то дощечку, прижав ее коленкой к сиденью стула. Он несколько удивился, узнав в пришельце Олега Волошина, с которым он учился в параллельных классах и с которым почти не был знаком. Гриша выпрямился и, заправляя рубаху в штаны, молча уставился на гостя.

– Здравствуй, Уточкин, – сказал тот, прикрыв за собой дверь. – Ты не удивляйся, что я к тебе пришел. У меня к тебе одна просьба.

– Ну? – коротко спросил Гриша.

– Ты мог бы помочь мне дрессировать собаку?

Гриша всегда был готов взяться за любое дело, но говорить много не любил:

– Мог бы. А как?

– Понимаешь, я ее дрессирую на собаку охранно-сторожевой службы. Я уже научил ее ходить рядом, садиться по команде, ложиться... Теперь я с ней отрабатываю команду «фас»... Чтобы она бросалась, на кого я прикажу. А для этого нужен ассистент, совсем незнакомый для собаки человек.

– Чтобы она на него бросалась?

– Ага. Мы ее уже дрессировали с ребятами нашего класса, и она очень хорошо на них бросалась, но теперь она с ними перезнакомилась и больше не бросается. А надо закрепить рефлекс. Вот я тебя и прошу...

Гриша в раздумье почесал широкий нос:

– А если покусает?

– Во-первых, я ее буду держать на поводке, а во-вторых, ассистент надевает защитную спецодежду. – Олег развернул стеганку и вынул из нее такие же драные ватные штаны. – Со мной все мальчишки из нашего класса ее дрессировали, а она только Сережку Лаптева немножко укусила. Согласен?

– Согласен. А где твоя собака?

– Я ее на лестнице оставил, чтобы она не знала, что мы с тобой знакомы. Я сейчас выйду с ней и буду ждать тебя на Тихой улице. А ты надевай спецодежду, приходи туда и подкрадывайся к Пальме, как будто злоумышленник. Ладно?

– Ладно. Иди!

Олег удалился. Гриша надел кепку и принялся облачаться в спецовку. Это оказалось делом нелегким, потому что брюки были огромных размеров. Стянув их ремнем под мышками и завязав тесемочками у щиколоток, Гриша стал похож на очень большую, диковинной формы гармошку. Ватная куртка, которую он надел, несколько поправила дело: свисая ниже колен, она почти совсем скрыла брюки. Рукава, болтавшиеся сантиметром на двадцать ниже кистей рук, Гриша засучивать не стал.

Грише, конечно, не хотелось, чтобы бабушка увидела его в таком костюме, поэтому, прежде чем выйти из комнаты, он приоткрыл дверь и прислушался, а потом уж выскользнул из квартиры.

Улица Тихая была и в самом деле очень тихой улочкой. Здесь вдоль тротуаров вкривь и вкось росли старые липы, за которыми прятались маленькие домики в один и два этажа. Движение тут было такое небольшое, что между булыжниками мостовой зеленела травка.

Придя сюда, Гриша издали увидел Олега, который расхаживал по мостовой, громко приговаривая:

– Рядом! Пальма, рядом!

– Эй! – негромко крикнул «ассистент».

Дрессировщик остановился, скомандовал Пальме сидеть и кивнул Грише головой: можно, мол, начинать.

Ассистент надвинул на нос кепку, свирепо выпятил нижнюю челюсть и, слегка приседая, болтая концами рукавов, зигзагами стал подбираться к собаке.

Пальма заметила ассистента и, сидя, принялась разглядывать его, склоняя бородатую морду то вправо, то влево. Когда Гриша приблизился к ней метров на десять, она поднялась и негромко зарычала.

– Пальма! Фу! Сидеть! – сказал Олег.

И Пальма неохотно села, продолжая скалить зубы.

Ассистент стал на четвереньки и тоже зарычал.

– Фас! – крикнул Олег.

Пальма рывкнула и так стремительно бросилась на Гришу, что дрессировщик еле удержал ее за веревку.

Гриша вскочил и шарахнулся в сторону.

– Видал? – тихонько сказал Олег.

– Ага, – так же тихо ответил Гриша. – Только она и без твоего «фаса» бросилась бы... Ведь я ее дразнил.

– Теперь знаешь что? Теперь давай без дразнения. Ты спрячешься за угол, а потом выйди и спокойно иди по тротуару. И даже не смотри в нашу сторону. Ладно?

– Ладно!

Гриша добежал до перекрестка, спрятался за угол и, подождав там минуту, степенно зашагал по противоположному от Олега тротуару. Вот он поравнялся с ними... Вот прошел мимо...

– Фас!

«Рррав! Рав-рав!»

Обернувшись, Гриша увидел, как Пальма, натягивая веревку, рвется к нему.

– Здóрово! – сказал Олег с другого тротуара. – Всё! Спасибо! Проверка сделана. Снимай спецодежду и иди сюда.

Гриша снял ватник и, отирая пот со лба, приблизился к дрессировщику. Пальма попыталась цапнуть его за ногу, но Олег прикрикнул на нее и заставил сесть. Он улыбался, голубые глаза его блестели, а лицо разгорелось.

– Видел? Видел, что такое дрессировка? Ты даже не взглянул на нее, а она уже бросилась!

Стоя несколько поодаль от Пальмы, Гриша ковырял в носу.

– Ну и что ж, что бросилась! Я ее дразнил, она меня запомнила, вот и бросилась. И в такой одежде она на каждого бросится. Вот если бы она на ту тетеньку бросилась, тогда другое дело было бы! – И Гриша указал глазами на полную гражданку, которая вразвалочку шла по противоположному тротуару, держа в руке сумку с продуктами.

Олег перестал улыбаться и тоже посмотрел на гражданку. Когда она прошла мимо, он присел рядом с Пальмой и, вытянув руку в направлении прохожей, тихонько скомандовал:

– Пальма, фас!

В ту же секунду раздался звонкий лай, и веревка дернула Олега за руку.

– Пальма, фу! – Олег с торжеством обратился к Грише: – Ну что, а? Ну что, видел?

Только теперь Гриша уверовал в силу дрессировки. Держа под мышкой свою лохматую спецодежду, он присел на корточки перед Пальмой и стал разглядывать ее.

– Это какая порода? Дворняжка?

– В том-то и дело, что обыкновенная дворняжка!

– Если бы овчарка, она еще лучше бросилась бы, – заметил Гриша.

– А я, ты думаешь, для чего ее дрессирую? Я выучу ее, пойду в питомник, где служебных собак разводят, покажу, как я умею дрессировать, и мне дадут на воспитание щенка-овчарку.

Гриша поднялся. Он все еще смотрел на Пальму.

– Наверняка дадут? – спросил он.

– Не совсем наверняка, а просто я так думаю.

– А у нас в городе есть... эти самые... где овчарок разводят?

– Питомники? Конечно, есть... При ДОСААФе есть, при Управлении милиции есть... Я в ДОСААФ пойду. Вот только отработаю с ней лестницу, барьер и выдержку и пойду показывать.

– А что такое лестница, барьер и выдержка?

– Лестница – это чтобы она умела подниматься и спускаться по приставной лестнице. Барьер – это чтобы она умела преодолевать заборы, а выдержка – это так: я, например, скомандую ей сидеть, потом уйду куда-нибудь, хотя бы на полчаса, и она не сойдет с места до тех пор, пока я не вернусь.

До сих пор Гриша мало был знаком со служебным собаководством. Он слышал, что есть собаки-ищейки, раза два он видел в кино замечательно умных овчарок, совершавших подвиги вместе с пограничниками. Но всегда ему казалось, что воспитание подобных собак доступно лишь особым специалистам.

И вот теперь он увидел, что не специалист, а простой школьник заставляет не овчарку, а самую паршивенькую дворняжку по команде садиться, по команде ходить рядом, по команде бросаться на прохожих.

С виду флегматичный, угрюмый, Гриша был человеком страстным, увлекающимся. Он представлял себе, как идет рядом с огромной овчаркой, от которой все шарахаются в стороны, как он приходит с ней в школу и как на глазах у изумленных ребят этот свирепый, клыкастый зверь по одному его, Гришину, слову перебирается через забор, поднимается по приставной лестнице на чердак сарая и спокойно, не сходя с места, сидит во дворе, пока Гриша занимается в классе.

– Волошин, а где ты научился... это самое... дрессировать?

– Очень просто. Купил себе в магазине книжку, «Служебное собаководство» называется, по ней и научился.

– Я себе тоже такую куплю. С собаками вот плохо... Я бы мог какую-никакую дворняжку поймать, только бабушка прогонит.

Ребята долго беседовали, стоя на краю тротуара. Олег показал Грише все штуки, какие умела проделывать Пальма. Гриша был так увлечен этим, что только раз оглянулся, услышав в отдалении неторопливые, четкие шаги. По противоположному тротуару шел милиционер – высокий, стройный, подтянутый, с лейтенантскими погонами. Заложив большие пальцы рук за

поясной ремень, он поглядывал на ребят, возившихся со смешной собакой, и улыбался. Олег тоже заметил милиционера.

– Смотрит, – тихо сказал он.

Польщенные вниманием лейтенанта, ребята снова оглянулись на него и тоже улыбнулись. Тот слегка им подмигнул. И вдруг Гриша вспомнил, что, по словам Олега, в Управлении милиции тоже ведь есть питомник. Он тихонько толкнул Олега в бок и зашептал:

– Покажи ему! Покажи ему, как она бросается!

– Неудобно.

– Ну чего неудобно! Шутя ведь. Покажи!

Олег секунду поколебался, потом присел, вытянув руку в направлении милиционера, и громко, чтобы тот слышал, крикнул:

– Пальма, фас! Фас!

Пальма рванулась, выдернула веревку из руки Олега и с яростным лаем понеслась к милиционеру.

– Тикай! – в ту же секунду крикнул Гриша.

Что было дальше с Пальмой, ребята не видели. Кинув стеганку на тротуар, Гриша юркнул в ближайшие ворота. Олег бросился за ним.

Ребята даже не разглядели двора, в который они забежали, они заметили только, что у забора, справа от ворот, возвышается большая поленница, а между поленницей и забором есть щель шириной сантиметров тридцать, если не меньше. Оба, словно сговорившись, свернули направо, втиснулись в эту щель и замерли.

Через несколько секунд до них донеслись размеренные шаги, затем стук пальцев по стеклу окна. Все это слышалось совсем близко, почти у самой поленницы. Прошло еще несколько секунд. Щелкнула задвижка, скрипнула дверь. Женский голос немного встревоженно спросил:

– Вам кого?

– Это ваши дети хулиганят, собак на прохожих натравливают?

– Де-ети? – протянула женщина. – У нас во всем доме ни одного ребенка нет.

– Ни одного ребенка нет, а я видел, как двое сюда побежали... Видите, что она мне сделала? Видите?

– Пожалуйста, войдите да посмотрите, если не верите. Двор у нас проходной. Вон калитка! Наверно, туда и убежали.

Несколько секунд длилось молчание.

– Ну, виноват... – пробормотал наконец лейтенант.

– Пожалуйста, – сухо ответила женщина.

Хлопнула дверь. Шаги милиционера стали удаляться в сторону, противоположную от ворот, и скоро совсем затихли.

Все это время мальчики простояли не шевелясь, не дыша, стиснутые между кирпичным забором и поленьями.

– Вылезай, – прошептал Гриша.

– Тише ты, дурак! – прошипел Олег и вцепился в Гришину руку повыше локтя. Он весь дрожал от испуга.

– Вылезай! А то вернется – здесь искать будет, – сказал Гриша и силой вытолкнул Олега из-за поленицы.

Не взглянув во двор, не поинтересовавшись, там ли милиционер или нет, ребята выскочили за ворота и со всех ног помчались по улице.

Они остановились только в подъезде Гришиного дома.

На носу и щеке ассистента красовались большие ссадины: он ободрал лицо о поленья.

Новенькие синие брюки дрессировщика были испачканы смолой, к ним прилипли мелкие щепочки и чешуйки сосновой коры.

– Вот это влипли! – медленно проговорил он, когда отдышался. – Дурак я был, что тебя послушался.

– Дурак, что веревку выпустил, – буркнул Гриша и сел на ступеньку, подперев подбородок кулаками, надув губы.

Олег подошел к Грише и наклонился над ним:

– Ты знаешь, что теперь будет? Думаешь, это дело так оставят? На представителя власти собак натравливать!

– И ничего не будет. Скажем, что нечаянно: показать хотели, – проворчал Гриша.

– «Показать хотели»! – передразнил Олег. – А кто тебе поверит, что показать хотели? Как ты докажешь, что хотели показать?

Гриша угрюмо молчал. На душе у него было тошно.

– А ты еще спецодежду потерял, – продолжал допекать его Олег. – Мне она не нужна, а знаешь, что теперь будет? Нас найти могут по этой спецовке.

– Как еще – найти? – уныло спросил Гриша.

– А очень даже просто: приведут ищейку, дадут ей понюхать спецодежду, и она по запаху найдет и меня, и тебя, потому что ты тоже ее надевал.

Гришу совсем взяла тоска. Он встал, заложил руки за спину и, вцепившись пальцами в локти, прошелся по площадке. Через минуту он остановился перед Олегом:

– Слушай! Давай так: если тебя поймают, ты не говори, где я живу, скажи, что не знаешь. А если меня поймают, я не буду говорить, ладно?

– Ладно. – Помолчав немного, Олег вздохнул: – Пока! Пошел. Тут еще уроки надо готовить...

Высунув голову из двери, он посмотрел направо, посмотрел налево и рысцой затрусил по улице, то и дело оглядываясь... Гриша поплелся на второй этаж, в свою квартиру.

Бабушка, открывшая ему дверь, сразу заметила ссадины на его лице:

– Ишь ободрался! Где это тебя угораздило?

– Так просто... – буркнул Гриша и прошел в комнату.

До вечера он слонялся по квартире без дела, часто подходил к двери, со страхом прислушиваясь к шагам на лестнице, ожидая, что вот-вот раздастся звонок и на пороге появится милиционер с овчаркой.

А на дворе, как назло, стоял чудесный сентябрьский день. На улице, под окнами у Гриши, происходил напряженный матч между командой ребят из Гришиного дома, в которой он всегда играл вратарем, и футболистами соседнего двора.

– Гришк! Иди! Проигрываем без тебя! – кричали ему ребята, когда он выглядывал в окно.

– Не хочется, – угрюмо отвечал Гриша и отходил в глубину комнаты.

Настал вечер. Пришли папа и мама. Сели ужинать. Глядя себе в тарелку, Гриша жевал котлету так медленно, так неохотно, что мама встревожилась:

– Гришунь, что это ты скучный такой?

– Так...

Потянувшись через стол, мама пощупала ладонью Гришин лоб:

– Всегда такой аппетит у ребенка, а тут еле жует.

– Похоже, с ребятами чего не поделил. Видишь, нос ему поцарапали, – сказал папа. – Верно я говорю, Григорий Иванович?

Гриша ничего не ответил. Он молчал до конца ужина и только за чаем обратился к отцу:

– Пап, вот у нас один мальчишка натравил собаку на милиционера, и она его укусила. Что ему будет, этому мальчишке, если его поймают?

– Как – что будет? Родителей оштрафуют, в школу сообщат... За такое хулиганство по головке не погладят.

– Это сегодняшний небось натравил, – заметила бабушка.

– Какой «сегодняшний»? – переспросил папа.

– Да приходил тут к Гришке один. С виду аккуратный такой, а с ним собака... ну до того отвратительная – прямо глядеть тошно.

* * *

На следующий день было воскресенье. Все семейство собралось идти обедать к Гришиной тетке, которая праздновала день своего рождения.

Гриша хотел было сказать, что ему нездоровится, и остаться дома, но потом представил себе, как он будет томиться в квартире один-одинешенек в то время, когда можно было бы сидеть среди веселых тетиных гостей, есть всякие вкусные вещи и слушать радиолу...

Гриша отважился пойти. Как назло, папа, мама и бабушка решили не ехать на автобусе, а прогуляться пешком. В каждом милиционере Грише чудился тот самый лейтенант, и он не шел по улице, а все время маневрировал. Едва увидев человека в милицейской форме впереди себя, он сразу отставал от родных и шел за ними, почти уткнувшись лицом в папину спину. Обнаружив

милиционера сзади, он забегал вперед и шел так близко от родителей, что они наступали ему на пятки.

- Слушай, друг, да иди ты, как люди ходят, что ты вертишься как заведенный!
- не выдержал отец.

В этот момент шагах в пятнадцати от Гриши из какого-то магазина вышел высокий милиционер и направился прямо к нему. Гриша не успел разглядеть его лица, не заметил, какие на нем погоны. Он тут же юркнул в ближайший подъезд и взбежал на площадку второго этажа. Минуты две все семейство Уточкиных стояло перед подъездом, тщетно покрикивая:

- Григорий! А ну, довольно тебе дурить! Что, маленький, в самом деле?
- Гришка, будешь озорничать, домой отправишься, слышишь?

...С не меньшими предосторожностями шел Гриша на следующее утро в школу. У школьного подъезда он встретил Олега. На нем вместо синих брюк были теперь серые, вместо желтой тенниски была белая рубашка. На голове у Олега сидела соломенная крымская шляпа с огромными полями, которая делала его похожим на гриб.

- Ну как? – спросил Гриша, поздоровавшись с Олегом.
- Пока ничего. Я костюм переменял для маскировки. Видишь?
- Пальма вернулась?
- Вчера еще. А у тебя как?
- Пока в порядке.

Прошло три дня. Никаких неприятностей за это время не случилось. Гриша постепенно осмелел. Он снова начал играть с ребятами в футбол и уже не шарахался в подъезды при виде милиционера. То же было и с Олегом. Скоро Гриша опять стал мечтать о воспитании овчарки и однажды, встретив во время перемены Олега, спросил его:

- Ну как, дрессируешь?
- Нет. У меня Пальма сейчас больна.
- Чем больна?
- Да так что-то... Ничего не ест, не пьет да все лежит...
- Когда будешь опять дрессировать, возьми меня, ладно? Я поучиться хочу.

Дрессировщик обещал позвать Гришу, а в следующее воскресенье случилось вот что.

Папа, мама и Гриша сидели за обеденным столом. Бабушка ушла зачем-то в кухню. Вдруг раздался звонок, бабушка открыла дверь и ввела в комнату Олега. Тот тяжело дышал, не то от волнения, не то от быстрого бега. На лбу и носу его блестели мелкие капельки пота.

– Здравсте! – сказал он и, помолчав, добавил: – Приятного аппетита!

Затем он помолчал еще немного, вобрал в себя воздуха и вдруг выпалил:

– Уточкин, я пришел тебе сказать, что тебе нужно делать прививки!

В комнате на секунду стало очень тихо.

– Какие прививки? – спросил Гриша.

– От бешенства. У нас Пальма заболела, перестала есть и пить, а потом ушла куда-то и пропала. Мама пошла в ветеринарную поликлинику, и ей там сказали, что у Пальмы могло быть бешенство, только тихое. Вот! И теперь мне, маме, тебе и другим ассистентам надо делать прививки.

– Та-ак! – негромко сказал Гришин папа.

– Ну вот словно сердце чужало! – проговорила бабушка. – Только он пришел со своей собакой этой, так... ну словно в меня что-то стрельнуло: не бывать добра от этой собаки, не бывать!

Олег добавил, что прививки надо делать срочно, потому что Пальма могла болеть уже давно, и ушел. Гриша расспросил отца о том, как проявляется бешенство, и после этого весь вечер бегал на кухню к крану пить воду, чтобы проверить, не начинается ли у него водобоязнь.

Он лег спать в очень мрачном настроении, проснулся на следующее утро тоже не в духе. Но, придя в школу, сразу развеселился.

У школьного крыльца большая толпа ребят встретила его хохотом и громкими криками:

– Во! Еще один бешеный!

– Привет взбесившемуся!

Оказалось, что у Олега в школе, помимо Гриши, было еще целых тринадцать ассистентов и всем им нужно было сегодня идти на Пастеровскую станцию.

Вся школа уже знала об этом, и шуткам не было конца. «Бешеные» не обижались, а, наоборот, сами развлекались вовсю. Среди школьниц нашлось несколько девочек, которые боялись подходить к помощникам Олега, считая их уже заразными. К великому удовольствию всех ребят, ассистенты на каждой перемене гонялись за этими девчонками, щелкая зубами и страшно завывая.

По окончании уроков десятка четыре школьников задумали провожать ассистентов и дрессировщика на Пастеровскую станцию.

– Олег, командуй!.. Олег, построь своих бешеных! – раздавались крики, когда наши герои вышли на улицу.

– Бешеные! Построиться! Правое плечо вперед, шагом марш! – скомандовал Олег.

Ухмыляющиеся ассистенты парами замаршировали по тротуару, а провожающие густой толпой последовали за ними, играя на губах веселый марш.

Войдя во двор, где помещалась станция, ребята подняли такой шум, что все медицинские работники повысовывались из окон.

Врачи и сестры сначала рассердились на ребят, но, узнав, что это провожают Олега, о котором они уже слышали вчера от его мамы, и что с ним четырнадцать ассистентов, они сами начали смеяться.

Провожающие остались во дворе, а дрессировщик и его помощники вошли в помещение станции и выстроились в очередь у окошка с табличкой: «Запись первичноукушенных». Эта табличка всех еще больше развеселила. Гриша даже выбежал во двор, чтобы сообщить ребятам:

– Мы теперь не бешеные, а первичноукушенные!

Получив от врача направление на укол, ассистенты вышли во двор. Олег скомандовал: «Первичноукушенные, построиться!» – и все торжественным маршем направились в районную амбулаторию, где ассистентам и дрессировщику впрыснули по порции сыворотки в животы. И хотя уколы были довольно болезненны, всем по-прежнему было очень весело.

После прививок «первичноукушенные» и провожающие кучками разошлись по домам в разные стороны. Гриша и Олег жили дальше всех, поэтому они скоро остались одни.

Бодро шагая рядом с Гришей, Олег вспомнил все пережитое за сегодняшний день.

– Мы теперь благодаря Пальме на всю школу прославились! – говорил он, улыбаясь. – Хотя нам и уколы теперь делают...

– Угу, зато смеха было сколько! – вставил Гриша.

– Главное – ко всему относиться с юмором, – философствовал Олег. – Если будешь ко всему относиться с юмором, то никакие неприятности тебе... – Он вдруг умолк, замедлил шаги и скоро совсем остановился, глядя куда-то вперед, в одну точку. Он уже не улыбался. Лицо его побледнело и приняло самое несчастное выражение.

Гриша взглянул в том направлении, куда смотрел Олег, и тоже весь как-то осунулся. Недалеко от них на середине перекрестка стоял постовой милиционер низенького роста, с большими, закрученными вверх усами.

Секунд пятнадцать ребята молча смотрели на этого милиционера, потом взглянули друг на друга.

– Э-э, а лейтенант-то?.. – совсем тихо, упавшим голосом сказал Гриша.

Олег молчал. Ребята машинально тронулись дальше и долго шли, не говоря ни слова.

– А может, она его не покусала, – сказал наконец Гриша.

– Почему я знаю, – почти шепотом ответил Олег.

– А может, она и вовсе не бешеная, да?

Олег вдруг остановился.

– А если бешеная? А если покусала, тогда что? – вскрикнул он неожиданно тоненьким, пискливым голоском.

– Предупредить нужно, да? – глядя себе под ноги, сказал Гриша.

– А ты думаешь, не надо? Думаешь, не надо? А если человек из-за нас умрет? Тогда что?

– Вот я и говорю: надо.

– «Надо, надо!» А как ты предупредишь? Как предупредишь? Пойдешь и скажешь ему: «Здравствуйте! Это мы на вас собаку натравили. Теперь идите делать прививки»? Так ты ему скажешь, да? Знаешь, что он с нами сделает?

Ребята подошли к крыльцу старинного особняка, украшенному каменными львами со щербатыми мордами. Олег положил на одну из ступенек свой портфель и сел на него. Сел рядом с ним и Гриша. Глаза у дрессировщика покраснели, он часто моргал мокрыми ресницами и хлюпал носом.

– Дурак я... Нет... нет, не дурак, а просто идиот, что послушался тебя, – причитал он, мотая из стороны в сторону головой. – Послезавтра папа из отпуска приезжает, а я... я ему такой подарочек... «Платите штраф рубликов двести за вашего сына».

– И еще из пионеров исключат, – добавил Гриша.

Долго сидели дрессировщик и ассистент на ступеньках крыльца между каменными львами. Лица обоих выражали такое уныние, что прохожие замедляли шаги, поглядывая на них.

Уже давно настало время обеда, но ни Гриша, ни Олег не вспомнили об этом.

Каждый из них с тоской представлял себе, как его задерживают в милиции, как вызывают туда ничего не подозревающих родных и как, наконец, на глазах у всего класса снимают с него пионерский галстук. И каждый чувствовал, что он не в силах вынести все это. И каждого вместе с тем мороз продирает по коже, как только он начинал думать о лейтенанте, который мог умереть мучительной смертью из-за их малодушия.

– У него, может, дети есть, – медленно проговорил Гриша.

Олег помолчал немного, потом сказал решительным тоном:

– До приезда папы из отпуска ничего не будем делать. Послезавтра папа приедет, я его встречу как следует, а после послезавтра пойдем и заявим.

Гриша не ответил. Олег помолчал еще немного и вдруг быстро поднялся:

– Нет, не могу! Уж лучше сразу, чем еще два дня мучиться. Идем!

Гриша не шевелился. Он сидел на ступеньках, опустив голову, и молчал.

– Ну, пошли! Решили так уж решили, – сказал Олег.

– Куда пошли? – проворчал в ответ Гриша, не поднимая головы.

– Ну, в милицию, в третье отделение. Пойдем расскажем все, а там они уж сами найдут того лейтенанта и предупредят. Пошли!

Но Гриша и на этот раз не шевельнулся.

– А мне чего ходить? Твоя собака, ты и иди.

– Ах так! Ну и пожалуйста!.. Как хочешь!.. – Олег всхлипнул. – Сам подбил меня, чтобы натравить, а теперь в кусты... Как хочешь... Пожалуйста!..

И Олег, вытянувшись в струнку, слегка подрагивая узкими плечами, не оглядываясь, быстро пошел по тротуару.

Тут только Гриша поднял голову и стал смотреть вслед удаляющемуся товарищу. Через минуту он вскочил и рысцой догнал дрессировщика:

– Ладно. Пошли.

Приятель рядышком зашагали по тротуару. Пройдя два квартала молча, Олег громко, с какой-то судорожной уверенностью в голосе заговорил:

– Вот увидишь, что нам ничего не будет! Ну вот увидишь!.. Ведь они же должны понимать!.. Ведь мы же благородный поступок... Ведь мы же ему, может быть, жизнь спасаем, правда? Ведь они должны понять, правда?

Гриша молчал, только сопел.

И вот они остановились перед подъездом, рядом с которым была прибитая вывеска: «Третье отделение милиции».

– Пошли? – чуть слышно сказал Олег, взглянув на Гришу.

– Пошли, – прошептал тот.

И оба не двинулись с места.

– Ну идем? – сказал через минуту Олег.

– Идем.

Олег приоткрыл дверь, заглянул в нее, потом тихонько, словно крадучись, вошел в подъезд. Следом за ним бочком протиснулся и Гриша.

Ребята очутились в длинном коридоре с двумя рядами закрытых дверей.

Только первая дверь справа была открыта. Она вела в комнату, разделенную на две части деревянным барьером.

Первая половина комнаты была пуста, если не считать милиционера, стоявшего у двери. За барьером у стола стоял маленький, толстый лейтенант с красным лицом и что-то сердито кричал в телефонную трубку. За другим столом в дальнем углу сидел еще один милицейский работник.

– Вам чего тут нужно? – строго спросил милиционер у двери, как только ребята сунулись в комнату.

– Нам?.. Нам... начальника... – пролепетал Олег.

– Какого начальника? Дежурного? По какому вопросу?

– Нам по вопросу... нам заявить нужно, по очень важному...

– Дежурный занят. Посидите здесь, – сказал милиционер, пропуская ребят в комнату, и передразнил с усмешкой: – «Заявить»!

Ассистент с дрессировщиком сели на скамью с высокой спинкой. Лица их теперь стали серыми от страха, потому что толстый лейтенант, сверкая маленькими глазками и с каждой секундой все больше распаляясь, кричал в телефон – А я из-за вас получать взыскание не намерен, товарищ Фролов! Понятно вам? Не намерен!

Я лучше сам на вас взыскание наложу... Письмо получено. Да, да, получено, товарищ Фролов. – Лейтенант взял со стола какой-то зеленый конверт, потряс им над головой и с размаху бросил на стол. – И вы дурака не валяйте, товарищ Фролов. Маленького из себя не стройте!

Тут Гриша почувствовал, как Олег толкнул его в бок, и услышал его взволнованный шепот:

– Дураки мы! Пойдем скорее! Ведь письмо написать можно... Напишем письмо, и все!

Ребята поднялись.

– Все! Кончены разговоры! Все! – яростно прокричал толстый дежурный, треснул трубкой о рычаг и, сопя, повернулся к мальчикам: – Так! Слушаю вас!

Мальчики взглянули друг на друга и ничего не ответили.

– Ну? Что вам угодно? – повысил голос дежурный.

– Нам... мы... нам ничего... мы просто так... – пробормотал Олег.

– Как это «просто так»? Гулять, что ли, сюда пришли?

– Мы... Пойдем, Уточкин, – быстро сказал Олег.

Мальчики дернулись было к выходу, но тут же застыли на месте, в ужасе приоткрыв рты и вытаращив глаза. В дверях стоял тот самый лейтенант.

Гриша так и не запомнил, сколько длилось страшное, леденящее душу молчание.

Ему казалось, что прошли целые часы, прежде чем Олег выговорил сдавленным голосом:

– Здравствуйте, товарищ лейтенант!

– Здравия желаю! – ответил тот, взглядываясь в мальчишек.

И вдруг дрессировщик и ассистент, словно подхваченные волной отчаяния, заговорили одновременно, заговорили громко, быстро, перебивая друг друга, стараясь друг друга перекричать:

– Товарищ лейтенант, вы... вы... нас простите, это мы на вас тогда собаку...

– Ага... нечаянно... мы вам только показать...

– Мы ее дрессировали на собаку охранно-сторожевой службы...

– Он поводок нечаянно упустил. Он вам только показать, а она вырвалась...

– Мы отрабатывали с ней команду «фас», и мы хотели потом пойти в питомник и показать, как мы ее дрессируем...

– Вам теперь прививки надо делать...

– И мы хотели попросить, чтобы нам дали настоящую овчарку на воспитание, и...

– Потому она, может быть, бешеная. Нам тоже делают прививки...

По мере того как дрессировщик с ассистентом несли эту околесицу, лицо лейтенанта становилось все жестче, все сердитее.

– Ясно! Хватит! – вдруг крикнул он и, сунув руки в карманы брюк, большими шагами стал ходить по комнате.

Ребята умолкли. От них, как говорится, пар шел.

– А, ч-ч-черт! – прорычал высокий лейтенант.

Дежурный сидел, низко склонив голову над столом, и Гриша заметил, как он покусывает губы, чтобы не рассмеяться.

Милиционер, сидевший в углу, закрыл лицо растопыренными пальцами правой руки, и плечи у него дрожали. И милиционер, стоявший у двери, тоже сдерживал улыбку.

– А, ч-черт! – повторил лейтенант и вдруг, вынув руки из карманов, сжав кулаки, остановился перед мальчишками. – Да вы... Да я вас сейчас... да я!.. – выкрикнул он громко и, так и не договорив, снова принялся шагать по комнате.

– Это которая тебе брюки на коленке порвала? – спросил дежурный, все еще глядя в стол.

Лейтенант не ответил. Тогда дежурный поднял голову и обратился к Грише:

– Так! Твой адрес и фамилия?

– Кузнецов переулок, дом три, квартира восемь, – тихо ответил тот.

Дежурный записал адрес на бумажке и посмотрел на Олега:

– Твой?

– Проезд Короленко, дом пятнадцать, квартира один.

– Так. Идите!

Мальчики направились к двери, но через два шага Олег остановился и обернулся к дежурному:

– Скажите, пожалуйста, а что нам теперь будет?

– Там увидим. Идите, пока целы.

Милиционер, стоявший в дверях, пропуская ребят, легонько щелкнул Гришу по макушке.

Очутившись на тротуаре, мальчишки бросились бежать, словно боясь, что лейтенант сейчас выскочит и погонится за ними. Когда же свернули в ближайший переулок, Олег вдруг остановился, сунул руки в карманы брюк и прислонился спиной к стене дома.

– Дураки, дураки и дураки! – сказал он медленно и негромко.

– Кто... дураки?

– Мы с тобой дураки: зачем мы правдашние адреса дали? Ведь никто не проверял.

Гриша в ответ на это только вздохнул.

* * *

Одиннадцать дней Гриша ждал, что его родителей вызовут в милицию. На двенадцатый день, когда он был в школе, раздался звонок.

Бабушка открыла дверь и увидела стройного лейтенанта в милицейской форме.

– Виноват! Здесь живет Гриша Уточкин?

– Зде-е-есь, – протянула бабушка упавшим голосом.

– Дома он?

– Не-е-ту... В школе!..

– Разрешите на минуту!..

Бабушка посторонилась, пропуская лейтенанта в переднюю, и тут только заметила, что лейтенант ведет на поводке щенка-овчарку с острой мордой, торчащими ушами и высокими толстыми лапами.

– Вот, передайте ему, пожалуйста, – сказал лейтенант, вкладывая конец поводка в бабушкину руку. – На ошейнике монограмма есть. И скажите, что привет им обоим от лейтенанта Самойленко.

Лейтенант приложил руку к козырьку и удалился.

Бабушка выпустила из рук поводок и долго стояла, уперев руки в бока, глядя на щенка, который расхаживал по передней, потягивая носом. Потом она сходила в комнату, надела очки и, вернувшись в переднюю, присела на корточки.

– Ну-ка, ты! Как тебя?.. Поди сюда! – сказала она, чмокнув губами.

Щенок подошел к ней, виляя хвостом и улыбаясь. Придерживая его за спину, бабушка нашла на ошейнике металлическую пластинку. На ней было выгравировано: «Грише Уточкину и Олегу Волошину от работников 3-го отделения милиции».

– Ишь ты!.. – прошептала бабушка.

Как я был самостоятельным

День, когда я впервые почувствовал себя самостоятельным, врезался мне в память на всю жизнь. Я до сих пор вспоминаю о нем с содроганием.

Накануне вечером мама и папа сидели на лавочке у подъезда нашего большого нового дома и спорили.

– Парню десятый год! – сердито говорил папа. – Неужели он дня не может прожить самостоятельно? До каких же пор ему нянька будет нужна!

– Говори что хочешь, Михаил, а я знаю одно, – твердила мама, – если мы Лешку оставим здесь, для меня вся поездка будет испорчена. Здесь даже соседей нет знакомых, чтобы присмотреть за ребенком. Я просто вся изведусь от беспокойства.

Решалась моя судьба на весь завтрашний день. Папин товарищ по работе, полковник Харитонов, пригласил родителей провести воскресенье у него на даче, но меня туда брать было нельзя, потому что сынишка Харитонova болел корью. Мама никогда не оставляла меня надолго одного: ей все казалось, что я еще маленький ребенок. В новом доме мы поселились несколько дней тому назад, ни с кем из соседей еще не познакомились, поэтому мама хотела «подбросить» меня на воскресенье к своей приятельнице, жившей на другом конце города.

Папа возражал, говоря, что неудобно беспокоить приятельницу и что пора приучать меня к самостоятельности.

Я стоял и слушал этот спор, от волнения выкручивая себе пальцы за спиной. Провести хотя бы один день без присмотра взрослых и так было моей давнишней мечтой, а теперь, когда мы переехали в новый дом, мне этого хотелось с удвоенной силой. Причиной тому была Аглая – смуглая темноглазая девчонка, известная как заводила среди здешних ребят. Эта Аглая мне очень нравилась, но я чувствовал, что она относится ко мне с пренебрежением, считая меня маленьким мальчиком, да к тому же маменькиным сынком. Мне казалось, что день, проведенный самостоятельным человеком, позволит мне возвыситься в ее глазах. К моему огорчению, Аглая находилась тут же, во дворе. Она прыгала на одной ноге, толкая перед собой камешек, слышала весь унижительный для меня разговор папы с мамой и время от времени вставляла, ни к кому не обращаясь:

– У! Я с шести лет одна дома оставалась, и то ничего! – Или: – У! Я сколько раз себе сама обед готовила, не то что разогревала.

Я косился на Аглаю и тихонько, но вкладывая в слова всю душу, убеждал:

– Ну мама! Ну мама же! Ну что со мной может случиться? Ну ты только послушай, как я буду жить: вы уедете, я пойду немножко погуляю...

– Дверь захлопнешь, а ключ оставишь дома...

– И вовсе нет! Я ключ еще вечером положу в карман... Значит, пойду погуляю...

– Тебе домашнюю работу надо делать, а не гулять. Скоро первое сентября, а ты и половины примеров не решил.

– Ой, мама, ну ладно! Я гулять не буду. Значит, вы уезжаете, я сажусь делать примеры, потом захотел есть – включаю газ...

– Еще с газом что-нибудь натворит, – пробормотала мама.

– У! Я давно уже газ... – начала было Аглая, но в этот момент прибежал Антошка Дудкин с большим листом бумаги в руках.

– Готово! Куда вешать? – сказал он Аглае, и они вдвоем прикрепили к парадному написанную чернилами афишу.

Она гласила, что завтра в пять часов вечера в клубе состоится спектакль пионерского драматического кружка.

Наконец нам с папой удалось уговорить маму. Было решено, что родители уедут с шестичасовым поездом, а я встану, как обычно, в восемь, сам убегу квартиру, сам приготовлю себе чай, сам накормлю и выведу погулять таксу Шумку, сам (то есть без понуканий) решу десять примеров и сам разогрею себе обед. Я был на седьмом небе. Для меня все это было так ново, так радостно, как иному мальчишке возможность пожить на необитаемом острове.

Весь вечер мама мне давала наставления. Ночью я долго не мог уснуть, а когда проснулся солнечным утром, в квартире стояла необычная тишина. Только Шумка, чесавшая себя за ухом, мягко постукивала лапой по полу.

Я был один! Я был полным хозяином квартиры. Я мог как угодно распоряжаться самим собой.

Я вскочил с постели и в одних трусах, уперев кулаки в бока, громко насвистывая какой-то марш, отправился обозревать свои владения.

Я тут же наметил себе огромную программу действий. Убирая квартиру, я не просто подмету паркетный пол, а заново натру его воском; я даже вычищу и повешу в шкаф папин старый мундир, оставленный им на спинке стула.

Примеров я решу не десять, как мы с мамой уговорились, а все двадцать штук. Вечером, если папа с мамой задержатся, я разогрею для них ужин,

заверну его в старое одеяло, как это иногда делала мама, а сам лягу спать, оставив на столе записку: «Котлеты и картошка горячие, в кухне, на табурете». Словом, теперь мама узнает, как глупо было с ее стороны бояться оставить меня одного.

Я быстро оделся, умылся и собрался было вывести Шумку, которая уже скулила у двери, но тут меня осенила такая мысль: а что, если заодно пойти в магазин и купить чего-нибудь себе к завтраку? Ведь одно дело, когда в магазин тебя посылает мама, и совсем другое, когда ты сам захотел чего-нибудь, пошел и купил. Ради такого удовольствия не жалко было истратить трешку из пятнадцати рублей, скопленных на аквариум.

Хлеб, масло и колбаса у меня к чаю были. Подумав немного, я решил, что мне хочется сыру.

Через минуту, держа Шумку на поводке, я шел по двору, шел неторопливо, степенно, поглядывая на окна квартиры в первом этаже, где жила Аглая. Вдруг как раз из ее окна вылетела и шмякнулась к моим ногам дохлая ворона. Шумка тьякнула от неожиданности.

– А ну, чтоб духу вашего здесь больше не было! – услышался из окна сердитый женский голос. – Ишь нанесли всякой дряни! Репетировать им надо! На то клуб есть, чтобы репетировать, там и ходите на головах, а людям покой надо дать. Ну! Сколько раз мне говорить? Марш отсюда!

Вслед за этим из подъезда выскочил и подхватил на бегу ворону рыжий мальчишка с лицом, казалось, состоявшим из одних веснушек. За плечами у него в виде мантии болталось синее одеяло, на котором были нашиты узоры из серебряной бумаги от чая, на голове сидела корона, обклеенная той же бумагой. За ним, прижимая к груди ворох цветных тряпок, выскочила такая же рыжая девчонка, за девчонкой – Антошка Дудкин, одетый как обычно, а за Антошкой выбежала Аглая. Я взглянул на нее, да так и застыл.

Аглая мне нравилась даже в самой затрапезной своей одежде, даже тогда, когда она выбегала во двор в старом материнском жакете, доходившем ей до колен, и в драных валенках на тонких ногах. А тут... тут она предстала предо мной в наряде сказочной принцессы. На ней было платье из марли, раскрашенной голубой, розовой и желтой красками; на шее блестело ожерелье из разноцветных стеклянных бус, какими украшают елки; два крупных шарика от этих бус болтались на ниточках под ушами, надо лбом в темных волосах блестела мохнатая елочная звезда, а две такие же звезды, но поменьше, украшали стоптанные тапочки.

Заглядевшись на эту красоту, я даже палец сунул в рот от восхищения. Пробегая мимо, Аглая едва кивнула мне, но вдруг остановилась и спросила через плечо:

– Ну что, уехали твои?

Я быстро вынул палец изо рта и сказал как можно небрежней:

– Конечно, уехали.

– И тебя одного оставили?

– Конечно, одного. Вот еще!.. Не знаешь, магазин открыт? Хочу сыру купить себе к завтраку.

– Открыт, – сказала Аглая, о чем-то думая. – Ты потом домой придешь?

– Ага. Вот только сыру куплю. Сыру чего-то захотелось.

– Эй! Идите-ка! – крикнула Аглая своим приятелям и, когда те подошли, обратилась ко мне: – Тебя Лешей зовут, да? Леша, можно мы к тебе придем? А то нам репетировать надо, а нас отовсюду гонят и клуб закрыт... а ты один в квартире. Ладно?

– Пожалуйста, конечно! – обрадовался я. – Я вот только квартиру уберу, примеры сделаю, и приходите.

Лицо Аглаи стало каким-то скучным.

– У-у! Примеры! А тебя что, заставляют с утра заниматься? Меня, например, никто не заставляет. Когда хочу, тогда и занимаюсь.

– А меня разве заставляют? Меня вовсе никто и не заставляет, это я сам хотел, – заторопился я. – Пожалуйста! Хоть сейчас пойдете! Я и квартиру могу не убирать... Когда захочу, тогда и уберу. Пожалуйста! Шумка, домой!

Большими, уверенными шагами я зашагал впереди артистов к своему подъезду, поднялся вместе с ними на второй этаж, открыл ключом дверь и широко распахнул ее.

– Пожалуйста! Вы в какой комнате хотите? В этой или в той? В какой хотите, в той и репетируйте. Пожалуйста!

Артисты прошли в большую комнату, служившую столовой и одновременно моей спальней. Я из кожи лез, чтобы показать, какой я независимый человек и гостеприимный хозяин.

– Аглая, ты не стесняйся, говори, что нужно. Стол мешает? Стол можно отодвинуть, и очень даже просто. Шумка, на место! Не путаться под ногами! Как нужно, так и сделаем, как захотим, так и устроим. Да, Аглая?

Принцесса разглядывала себя в большом зеркале, стоявшем у стены.

– У тебя губная помада есть? – спросила она.

– Помада? У! – воскликнул я, совсем как Аглая. – Я тебе не только помаду могу дать, я и пудру могу, и краску для бровей, и одеколон даже...

Удалившись в другую комнату, я взял там большую коробку с парфюмерным набором «Белая сирень», захватил еще коробочку с краской для бровей и притащил все это Аглае.

– Вот! Пожалуйста! Выбирай что хочешь. Очень даже просто!

Аглая напудрила себе лоб и нос, нарисовала губы и подрумянила щеки. То же самое проделала Зина – рыжая девчонка, игравшая пожилую королеву. Кроме того, ей густо напудрили волосы, чтобы она казалась седой.

– Антошка! – сказала Аглая. – Давай теперь ты загримируйся. Знаешь, как артисты делают, чтобы красивей быть? На носу белую черту проводят, а под бровями розовой краской мажут. И губы тоже.

Но Дудкин, скрестив руки на груди, повесив голову, с угрюмым видом бродил по комнате.

– А ну тебя! «Загримируйся»! Мне козел покоя не дает, а ты – «загримируйся»...

– Какой козел? – спросил я.

Мне объяснили, что Дудкин играет Иванушку-дурачка и по ходу пьесы должен приехать к принцессе верхом на козле и с дохлой вороной в руках. Вот этим козлом, наскоро выпиленным из фанеры, Антошка был очень недоволен.

– Дохлую ворону и ту настоящую достали, а козла курам на смех сделали. Надо, чтобы он на четырех ногах был, чтобы я мог сесть на него и меня бы на нем за веревочку и втащили. А на фанерного разве сядешь! Волочи его между ног, а сам топай на своих на двоих. Публика только смеяться будет.

Король уныло кивнул:

– Ага. Я говорил Наталье Петровне, что надо другого козла, а она свое: мы, говорит, сказку ставим, а в сказке и фанерный сойдет.

Артисты замолчали в раздумье. Я тоже молчал и все поглядывал на Аглаю. Мне очень хотелось узнать, что она думает обо мне, убедилась ли наконец, что я человек, достойный ее уважения.

Но Аглая не смотрела на меня. Как назло, она обратила внимание на стоявшего у кровати большого коня из папье-маше, на котором я еще недавно ездил верхом по квартире, гоняясь за Шумкой и стреляя в нее из жестяного пистолета.

– Это твой конь? – спросила она.

Я очень любил своего скакуна, относился к нему как к живому существу, но теперь я отрекся от него:

– Нет, не мой... То есть мой, но я в него давно не играю. Он просто так стоит. Что я, маленький, что ли!

Ковыряя в носу, принцесса задумчиво смотрела на коня.

– Антон! Вот бы из этой лошадки козла сделать... У нее даже колесики есть. Леша, одолжи нам этого коня. А?

– Конечно, одолжу! Пожалуйста! Что мне, жалко? Я в него вовсе и не играю... Он просто так стоит...

Присев на корточки, Дудкин внимательно осмотрел коня.

– Этот, факт, лучше фанерного, – сказал он. – А хвост куда девать?.. Ты козлов с такими хвостами видела?

И тут я окончательно предал своего старого друга.

– А хвост... а хвост можно отрезать! – звенящим голосом выпалил я и завертел головой, глядя, какое это произведет на всех впечатление.

– Тебе от матери попадет, – пробасила Зинаида.

– Что? Попадет? Вот еще!.. «Попадет»! Это моя лошадь: что хочу, то и делаю. Сейчасотрежем, и все! И очень даже просто!

Я снова сбегал в другую комнату, вернулся оттуда с ножницами и присел перед конем. Через минуту пышный мочальный хвост лежал на полу, а я поднялся, мокрый от испарины.

– Вот и все! Вот и пожалуйста! И ничего тут такого нет...

Сделать из лошади козла оказалось работой сложной и трудной. Мне пришлось искать, где у папы лежат плитки сухого столярного клея, потом толочь его, чтобы он быстрее размок, потом варить его в маленькой кастрюльке (подходящей банки в доме не оказалось).

Потом мы принялись делать рога. Сначала Аглая свернула из бумаги узенькие фунтики, и мы приклеили их к лошадиной голове, но Антошка сказал, что таких прямых рогов у козлов не бывает. Тогда мы стали делать их плоскими, вырезая из картона, и извели кучу всяких коробок от настольных игр, прежде чем Дудкину понравилась форма рогов.

Для бороды мы, конечно, использовали часть отрезанного мной хвоста, но и тут пришлось помучиться, потому что руки у нас были все в клею и мочалка больше прилипла к пальцам, чем к лошадиной морде. Когда борода была наконец готова, Дудкин заявил, что лошадь надо перекрасить из светло-коричневого в другой какой-нибудь цвет, хотя бы в белый. Зубной пасты оказалось мало, и Зина предложила покрасить мукой. Я достал муки, и мы разболтали ее в тазике, так что получилось нечто вроде теста для блинов.

Чем дольше мы работали, тем больше у меня скребли кошки на сердце, когда я смотрел на паркетный пол, заляпанный клеем, жидким тестом и облепленный кусочками мочалки.

Пробило два часа. Королева заторопилась:

– Васька, пойдем, обедать пора. Антон, кончай скорей. В пять часов спектакль, а мы и не репетировали сегодня из-за твоего козла.

Только теперь я вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего вечера. В животе у меня бурчало, в голове неприятно шумело.

Держа в левой руке тазик с тестом, а в правой – старую кисточку для бритья, Дудкин мазнул по коню еще разок, отошел шага на два и склонил голову набок. Потом он бросил кисточку в таз, а таз поставил на стол и вздохнул:

– Зря только коня испортили.

Аглая передернула плечами:

– У, какой-то!.. Тебе все плохо! Фанерный ему плох, этот плох...

– А по-твоему, хорош, да, хорош? – закричал Дудкин. – Ты посмотри на него: у тебя мурашки по спине не бегают? Ведь он на черта похож, с которого содрали шкуру, а ты – хорош!

Я не представлял себе, как выглядит черт без шкуры, но то существо, которое у нас получилось, и правда имело вид жутковатый.

Непросохшее тесто блестело скользким блеском, один картонный рог надломился и свесился набок, куцый хвост, испачканный клеем, превратился в какую-то сосульку, а рыжая борода, наоборот, была слишком пышна и топорщилась во все стороны.

Как видно, и Аглае стало не по себе, потому что она больше не возражала Антону. На некоторое время в комнате воцарилось унылое молчание.

– Аглая! – закричали вдруг за окном сразу несколько голосов. – Эй, Аглая! Дудкин!

– Мы здесь! – отозвалась Аглая, подбежав к окну.

– «Здесь! Здесь!» Мы вас два часа ищем. Ушли куда-то и не предупредили. Хотите спектакль сорвать?

– Идите сюда. Мы здесь репетируем, в двадцать второй. – Аглая отошла от окна. – Леша, поди открой, это еще артисты идут... Антошка, мы Сене Ласточкину козла покажем. Он староста кружка: пусть как хочет, так и решает.

Я открыл входную дверь, и в квартиру ввалились еще человек шесть ребят. Среди них выделялся плечистый мальчишка с самоуверенной физиономией.

– Сеня, гляди! – обратилась к нему Аглая. – Мы вот какого козла вместо фанерного сделали, а Дудкину и этот не нравится.

Мальчишка посмотрел на наше страшилище маленькими узкими глазками.

– Халтура! – проворчал он и добавил: – Я вам получше козла достану. Живого. Настоящего.

– Вот! Настоящего! – обрадовались артисты. – Конечно, хорошо бы настоящего, только где ты его возьмешь?

– У моего дяди есть козел. В сарайчике живет. Только бодливый, черт!

– Это ничего, что бодливый, – сказал Дудкин. – Лишь бы дядя позволил взять.

– А мы его и спрашивать не будем. Потихоньку возьмем, а потом обратно... Вот где бы его спрятать до спектакля? А то дядя скоро вернется, тогда ничего не получится.

Все помолчали, обдумывая этот вопрос.

– В закоулке каком-нибудь привязать, и все.

– В закоулке украсть могут.

– Сторожить по очереди будем.

Сеня качнул головой:

– Не годится. Дядя увидит, что козла нет, и пойдет его искать по дворам и закоулкам. – Он помолчал. – У Юрки спрячем. Юра, у тебя отец с матерью по воскресеньям работают и квартира отдельная. В квартирах козлов не ищут.

Мальчик, которого звали Юрой, попятился от него:

– Ты что, с ума сошел? Ты знаешь, что мне за это будет!

На Юру напали со всех сторон:

– Не хочешь помочь товарищам, да?

– Вот Сеня наверняка знает, что от дяди попадет, а и то не боится для общего дела.

– Ругайтесь себе сколько хотите, – ответил Юра. – Я лучше из кружка совсем уйду, а козла в квартиру пускать не буду. У меня голова на плечах еще есть.

– А я знаю, где козла спрятать! – воскликнула Аглая. – Леша, мы к тебе его приведем. Хорошо?

Тут уж я оторопел. Я почувствовал, что козел в квартире, да еще почти что краденый, – это уж слишком.

– Я... ко мне козла...

У меня пересохло в горле, я поперхнулся. Аглая этим воспользовалась. Быстро поглядывая на меня, она заговорила с воодушевлением:

– К Леше поставим. Леша не такой нюня, как Юрка. Правда, Леша? Он мальчишка самостоятельный, не какой-нибудь маменькин сынок – да, Леша? Мы к нему поставим козла в прихожую, и все пойдем обедать. Он часочка два всего постоит, а перед спектаклем заберем. И никто даже ничего и не узнает. Леша, верно я говорю? Ты не забоишься, как Юрка, да, Леша?

– Я... мне...

Я снова запнулся. Все ждали моего ответа, ждала и Аглая. Она раскраснелась, маленькие черные глаза ее блестели, цветные зеркальные шарики покачивались под розовыми ушами. И я не смог отказаться. Я посмотрел на Юру, которому Аглая ставила меня в пример, и слегка расправил плечи:

– Я... Пожалуйста, конечно... Мне, конечно, ничего не стоит... Только... только он, наверное, будет кричать, а соседи...

– У! Кричать? Зачем ему кричать? А соседям ты не открывай. Это твоя квартира, ты хозяин, и пусть они не суются. – И, как видно испугавшись, что я пойду на попятный, Аглая снова принялась меня хвалить: – Ну, что я говорила? Говорила, что Леша не заботится, – он и не забоялся. Он не то что Юрка, он знаете какой отчаянный!

– Ладно! Пошли тогда, – сказал Сеня и кивнул мне: – Ты жди, значит. Мы скоро...

Артисты повалили к выходу. В передней королева сказала, что ей с Васькой давно пора обедать.

– После пообедаешь, – отрезал староста. – Нам рабочая сила нужна. Он знаешь какой здоровый? Вот такую собаку насмерть забодал.

Услышав эту фразу, я совсем расстроился, но было уже поздно: артисты ушли.

Я принялся слоняться по квартире. Я понимал, что следует привести в порядок комнату, попытаться хотя бы соскрести тесто с коня, а в первую очередь чего-нибудь перекусить, но от тревоги у меня ни к чему не лежали руки. То и дело я забирался на подоконник.

Наш дом был первым многоэтажным зданием, построенным в этом районе. Его со всех сторон обступили деревянные дома и домишки, в свою очередь окруженные многочисленными сарайчиками и клетушками. В одной из таких клетушек, наверное, и жил этот проклятый козел.

Прошло двадцать минут, потом полчаса. Артисты не возвращались. Я стал подумывать, что, пожалуй, не так уж легко протащить чужого козла в летний воскресный день по проходным дворам. Может, на мое счастье, артистов еще и застукают на месте преступления. Когда часы пробили три, у меня совсем отлегло от сердца и я направился на кухню разогревать себе обед.

– Леша! Леша! Открывай! – донесся в этот момент взволнованный Аглаин голос.

Остановившись на полдороге, я подбежал к окну, но во дворе уже никого не было. В отвратительном настроении побрел я в переднюю и открыл дверь. Артистов я не увидел. Я только услышал, что под моей площадкой идет приглушенная, но, как видно, отчаянная борьба. Там сопели, пытели, кряхтели и шаркали ногами. Временами кто-то яростно фыркал. Иногда что-то шмякалось не то об стену, не то о ступеньки.

– Рога! Рога держите! Рога не отпускайте! – хрипло шептали внизу.

– Ыть!.. Еще немного! Ыть! Еще разок!..

– Ой! У-юй!

– Тише! Услышат!

– Подымай ему ногу! Подымай ему ногу! Подымай ногу... Уп... Есть!

– Чего – есть?

– По губе копытом!

– Ыть! Еще разок! Ыть!.. Мне за штаны влетит. Ыть!.. Не починишь теперь.

Но вот на лестнице, ведущей к площадке, показалась куча рук, ног, стриженных затылков и растрепанных кос. Она шевелилась, судорожно дергалась и постепенно приближалась ко мне.

Полумертвый от страха, я отступил в переднюю, однако двери не закрыл. Вот куча артистов показалась на площадке. С минуту они трепыхались перед дверью, потом что-то случилось, и в переднюю разом влетели Дудкин с окровавленной губой, еще два артиста и козел. Он был черный с белыми пятнами. Одного глаза на белой половине морды у него не было, а глаз на черной половине был открыт и смотрел безумным взглядом, каким смотрит с картины Иван Грозный, убивший своего сына. На правом роге его, как чек в магазине, был наколот квадратный кусочек синей материи.

– Двери! – закричал мне Дудкин, устремляясь к выходу. – Закрывай все двери! А то пропадешь!

Козел повернулся, красиво встал на дыбы, Дудкин ойкнул и захлопнул за собой дверь. В следующий момент рога так треснули по ней, что сверху побелка посыпалась.

Я оцепенел. Секунд пять я не двигал ни рукой, ни ногой. Как сквозь вату, я услышал, что в дверь слабо застучали кулаком.

– Мальчик! Мальчик! – запищал тонкий девчачий голосок. – У него на роге мой карман от передника остался. Мальчик, а мальчик, у него на роге мой карман...

Мне, конечно, было не до кармана. Козел снова повернулся, опустил рога и мелкими шажками потопал ко мне. Я шмыгнул в комнату и запер дверь на крючок.

– Черта с два я на такого сяду! – донесся со двора голос Дудкина. – Я уж лучше на фанерном. Что мне, жизнь не дорога?

Я не расслышал, что ему ответили. Шумка, которая до сих пор лишь нервно тьякала в соседней комнате, вдруг закатилась отчаянным лаем. Я сунулся было туда и отскочил назад. Козел был уже в комнате родителей. Он проник туда через другую дверь, которую я не догадался закрыть. Он медленно вертелся, подставляя Шумке рога, а та, захлебываясь от ярости, прижимаясь грудью к полу, в свою очередь, вертелась вокруг козла и норовила схватить его за пятку. Крючка на двери в эту комнату не было. Я забаррикадировал ее тяжелым плюшевым креслом.

И началась катавасия! Лай, топот, фыркание постепенно удалились в кухню, причем там загремело что-то железное, потом шум битвы снова переместился в соседнюю комнату. Я был отрезан от всей квартиры. Я не мог взять из кухни продукты. Мне была недоступна даже уборная, куда я стремился всей душой. Ломая себе пальцы в тоске, я слонялся по комнате и думал о том, как же я открою артистам, когда они придут за козлом, и придут ли они вообще до спектакля, если Дудкин отказался на нем ездить.

Шумка была из тех собачонок, которых называют «заводными». Обычно стоило кому-нибудь пройти по лестнице мимо нашей квартиры, как она впадала в истерику минут на пять. Козел появился у нас примерно в четверть четвертого. Ровно в четыре в квартире продолжался все тот же тарарам, и Шумка даже не охрипла. Со двора уже давно доносились голоса:

– Безобразие какое!

– Это в двадцать второй!

И Шумка, как говорится, допрыгалась. Лай ее вдруг прервался, она громко икнула, а в следующий момент заверещала таким дурным, таким страшным голосом, что я подумал: «Все! Шумке конец».

– Эй! Двадцать вторая! Что вы там, с ума посходили? – закричали во дворе.

– Прекратите это хулиганство, слышите!

Сам не зная зачем, я подошел к окну. По ту сторону двора стоял двухэтажный бревенчатый дом. Из многих окон его выглядывали жильцы. Несколько мужчин и женщин стояли на крыльце и возле него, подняв головы к окнам нашей квартиры. Стоило мне показаться, как они накинулись на меня:

– Эй, малый! Это ты там безобразничаешь?

– У тебя совесть есть так собаку мучить?

– Мать с отцом уехали, он и распоясался!

В голове у меня звенело от Шумкиного визга, сердце измученно колотилось, но все же я еще разок попробовал показать свою самостоятельность.

Печально глядя в окно, голосом слабым, как у тяжелобольного, я пролепетал:

– Вас... вас не касается. Я... я сам... я сам знаю, что делаю. Это наша квартира. И... и вас не касается.

Я отошел от окна. Шумка вдруг перестала верещать и затыкала где-то на кухне, визгливо, обиженно.

«Хам! Грубиян! – как бы говорила она, лежа, очевидно, под газовой плитой. – С тобой и дела-то иметь нельзя».

Потяжков немного, она успокоилась. В квартире наступила тишина. Я забрался с ногами на кровать, прижался спиной к стене и тоже затих.

На противоположной стене висело зеркало, в котором маячило мое отражение. Никогда еще я не казался себе таким бледным, таким тощим. Я смотрел в зеркало и грустно думал о том, что у меня, наверное, будет рак. Я слышал, как взрослые говорили, что рак развивается на нервной почве и первым признаком его бывает исхудание.

Пробило половину пятого, но я уже не ждал артистов. Я понимал, что они не смогут взять у меня козла, когда во дворе столько народа.

В соседней комнате что-то полилось, потом из-под двери ко мне потекла лужа. Меня это уже не взволновало. Мне уже было все равно.

Потом то ли козел проголодался, то ли ему захотелось домой, но только он начал блеять. Он блеял настойчиво, требовательно, хриплым басом.

– Ишь какой зловредный мальчишка! – слышался со двора старушечий голос. – То собаку мучил, теперь козлом кричит. Все назло!

– Нет, тут что-то не то, – отозвался мужчина. – Разве мальчишка сможет так реветь? У него и голоса не хватит. Странное дело!

– Дядь Терентий! Дядь Терентий! – вдруг взволнованно крикнула какая-то девушка.

– А-я! – донеслось издалека.

– Ты козла ищешь? Поди-ка сюда! Это не твой орет?

Прошло несколько секунд молчания, потом со двора слышалось:

– Ага! Он и есть! Ах люди! Ну что за люди! Среди бела дня!

Дядя Терентий принялся кричать нам в окна, чтобы ему немедленно вернули козла и что он нам покажет, как скотину воровать. Я не отвечал. Собравшиеся во дворе успокаивали дядю Терентия, говорили, что тут, очевидно, какое-то недоразумение, что квартира принадлежит солидному человеку, подполковнику, который едва ли станет заниматься такими делами. Говорили также, что подполковника сейчас нет и что дома только его сынишка, то есть я.

– А мне шут с ним, кто там дома, кого нет. Мой козел – стало быть, отдай! – сказал дядя Терентий. – Верка! Стой здесь! Пойду участкового приведу.

Козел притих, словно понял, что освобождение близко. Я не боялся прихода милиционера, я был даже рад, что он придет, и думал только о том, как он попадет в квартиру. И вдруг у меня мелькнула такая мысль: козел сейчас в комнате родителей. Что, если я в одну секунду проскочу переднюю, открою входную дверь... А там лестница, а там двор, а там люди, от которых мне попадет, но которые избавят меня от козла...

Я прислушался. В квартире было тихо. Я и не подозревал, что козел уже перебрался в переднюю и стоит у самой двери моей комнаты. Я на цыпочках подкрался к этой двери, тихонько снял с нее крючок, затем сразу распахнул ее и... чуть не напоролся на козлиные рога.

В следующий момент я был на середине комнаты. Козел направился ко мне. Я вскочил с ногами на подоконник. Козел подошел к подоконнику и, мотая головой, глядя на меня своим страшным глазом, хрипло заблеял. И тут я окончательно забыл про свою самостоятельность. Я отодвинулся почти к самому карнизу, свесил ноги наружу, поднял лицо к небу и заревел на весь двор, где уже собралось очень много народу.

Однако я недолго ревел. Вскоре еще больший ужас потряс меня так, что я и голос потерял.

Во двор вошли папа и мама. Они шли не под руку, как обычно, а на расстоянии метра друг от друга. Лицо у папы было красное и очень сердитое. Уже потом я узнал, что мама испортила папе все удовольствие от поездки, потому что все время беспокоилась за меня и говорила, что у нее какое-то тяжелое предчувствие. Они уехали от полковника Харитонова, даже не пообедав, и всю дорогу ссорились.

Папа был так рассержен, что даже не заметил толпы, которая глазела на мое окно.

Увидев меня, он остановился и почти закричал маме:

– На! Смотри! Целехонько твое сокровище, здоровехонько! И что вообще с ним могло случиться?

Не слушая папы, мама закричала мне, чтобы я лез обратно в комнату, что я могу свалиться. Но я не послушался.

– Дядя Терентий! Дядя Терентий! – сказали в это время в толпе. – Вот как раз товарищ подполковник. Вернулся!

Во двор вошел низенький, грязно одетый дядька с полуседой щетиной на лице, а с ним круглолицый розовощекий милиционер. Тут папа впервые обратил внимание на толпу и как-то притих. Милиционер подошел к нему и отдал честь:

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться!

– Пожалуйста! Слушаю!

Милиционер смущенно улыбнулся:

– Не знаешь, как и начать... Короче, вот от гражданина поступило заявление, что у вас в квартире... ну, домашнее животное.

– Что за чушь? Какое животное?

– Козел, – пояснил милиционер, зачем-то понизив голос.

– Что-о?

– Козел, товарищ подполковник.

Папа вскинул голову. Глаза его сверкали.

– Алексей! В чем дело? Что там такое у тебя?

«Ме-е-е!» – закричал козел за моей спиной.

* * *

Что было дальше, рассказывать незачем, об этом каждый догадается. Скажу лишь одно: я много вынес в тот день, но самый тяжелый удар, удар в самое сердце, постиг меня на следующее утро.

Папа был на службе, мама ушла в магазин. Мне запретили выходить. Я лежал на подоконнике и смотрел во двор. Подо мной на лавочке сидели Аглая и другие театральные деятели. Вчерашний спектакль прошел у них успешно, несмотря на то что пришлось удовольствоваться фанерным козлом. За живого козла им, конечно, тоже нагорело, но они уже забыли об этом и обдумывали новую постановку.

– Валенки для партизан достанем, полушубки найдутся, – говорил Сеня Ласточкин. – А вот портупею, кобуру и полевую сумку – это надо поискать.

– Лешка достанет, – сказала Аглая. – У него отец военный.

– Какой Лешка? Из двадцать второй? – вмешался Дудкин. – Нет! Не достанет. Теперь ему отец ничего не даст.

– Лешка-то? У! Я ему скажу, что он самостоятельный, – он и без спроса возьмет. Я им как хочу, так и верчу.

Гадюка

Мимо окна вагона проплыл одинокий фонарь. Поезд остановился.

На платформе слышались торопливые голоса:

– Ну, в час добрый! Смотри из окна не высывайся!

– Не буду, бабушка.

– Как приедешь, обязательно телеграмму!.. Боря, слышишь? Мыслимое ли дело такую пакость везти!

Поезд тронулся.

– До свиданья, бабушка!

– Маму целуй. Носовой платок я тебе в карман...

Старичок в панаме из сурового полотна негромко заметил:

– Так-с! Сейчас, значит, сюда пожалует Боря.

Дверь отворилась, и Боря вошел. Это был мальчик лет двенадцати, упитанный, розовощекий. Серая кепка сидела криво на его голове, черная курточка распахнулась. В одной руке он держал бельевую корзину, в другой – веревочную сумку с большой банкой из зеленого стекла. Он двигался по вагону медленно, осторожно, держа сумку на почтительном расстоянии от себя и не спуская с нее глаз. Вагон был полон. Дойдя до середины вагона, Боря остановился.

– Мы немного потеснимся, а молодой человек сядет здесь, с краешку, – сказал старичок в панаме.

– Спасибо! – невнятно проговорил Боря и сел, предварительно засунув свой багаж под лавку.

Пассажиры исподтишка наблюдали за ним. Некоторое время он сидел смирно, держась руками за колени и глубоко дыша, потом вдруг сполз со своего места, выдвинул сумку и долго рассматривал сквозь стекло содержимое банки. Потом негромко сказал: «Тут», убрал сумку и снова уселся.

Многие в вагоне спали. До появления Бори тишина нарушалась лишь постукиванием колес да чьим-то размеренным храпом. Но теперь к этим монотонным, привычным, а потому незаметным звукам примешивался странный непрерывный шорох, который явно исходил из-под лавки.

Старичок в панаме поставил ребром на коленях большой портфель и обратился к Боре:

– В Москву едем, молодой человек?

Боря кивнул.

– На даче были?

– В деревне. У бабушки.

– Так, так!.. В деревне. Это хорошо. – Старичок немного помолчал. – Только тяжеленько, должно быть, одному. Багаж-то у вас вон какой, не по росту.

– Корзина? Нет, она легкая. – Боря нагнулся зачем-то, потрогал корзину и добавил вскользь: – В ней одни только земноводные.

– Как?

– Одни земноводные и пресмыкающиеся. Она легкая совсем.

На минуту воцарилось молчание. Потом плечистый рабочий с темными усами пробасил:

– Это как понимать: земноводные и пресмыкающиеся?

– Ну, лягушки, жабы, ящерицы, ужи...

– Бррр, какая мерзость! – сказала пассажирка в углу.

Старичок побарабанил пальцами по портфелю.

– Н-да! Занятно!.. И на какой же предмет вы их, так сказать...

– Террариум для школы делаем. Двое наших ребят сам террариум строят, а я ловлю.

– Чего делают? – спросила пожилая колхозница, лежавшая на второй полке.

– Террариум, – пояснил старичок, – это, знаете, такой ящик стеклянный, вроде аквариума. В нем и содержат всех этих...

– Гадов-то этих?

– Н-ну да. Не гадов, а земноводных и пресмыкающихся, выражаясь научным языком. – Старичок снова обратился к Боре: – И... и много, значит, у вас этих земноводных?

Боря поднял глаза и стал загибать пальцы на левой руке:

– Ужей четыре штуки, жаб две, ящериц восемь и лягушек одиннадцать.

– Ужас какой! – донеслось из темного угла.

Пожилая колхозница поднялась на локте и посмотрела вниз на Бору:

– И всех в школу повезешь?

– Не всех. Мы половину ужей и лягушек на тритонов сменяем в девчачьей школе.

– Ужотко попадет тебе от учителей...

Боря передернул плечами и снисходительно улыбнулся:

– «Попадет»! Вовсе не попадет. Наоборот, даже спасибо скажут.

– Раз для ученья, стало быть, не попадет, – согласился усатый рабочий.

Разговор заинтересовал других пассажиров: из соседнего отделения вышел молодой загорелый лейтенант и остановился в проходе, положив локоть на вторую полку; подошли две девушки-колхозницы, громко щелкая орехи; подошел высокий лысый гражданин в пенсне; подошли два ремесленника. Боре, как видно, польстило такое внимание. Он заговорил оживленнее, уже не дожидаясь расспросов:

– Вы знаете, какую мы пользу школе приносим... Один уж в зоомагазине семь пятьдесят стоит, да еще попробуй достань! А лягушки... Пусть хотя бы по трешке штука, вот и тридцать три рубля... А сам террариум!.. Если такой в магазине купить, рублей пятьсот обойдется. А вы говорите «попадет»!

Пассажиры смеялись, кивали головами.

– Молодцы!

– А что вы думаете! И в самом деле пользу приносят.

– И долго ты их ловил? – спросил лейтенант.

– Две недели целых. Утром позавтракаю – и сразу на охоту. Приду домой, пообедаю – и опять ловить, до самого вечера. – Боря снял кепку с головы и принялся обмахиваться ею. – С лягушками и жабами еще ничего... и ящерицы часто попадают, а вот с ужами... Я раз увидел одного, бросился к нему, а он – в пруд, а я не удержался – и тоже в пруд. Думаете, не опасно?

– Опасно, конечно, – согласился лейтенант.

Почти весь вагон прислушивался теперь к разговору. Из всех отделений высовывались улыбающиеся лица. Когда Боря говорил, наступала тишина. Когда он умолкал, отовсюду слышались приглушенный смех и негромкие голоса:

– Занятный какой мальчонка!

– Маленький, а какой сознательный!

– Н-нда-с! – заметил старичок в панаме. – Общественно полезный труд. В наше время, граждане, таких детей не было. Не было таких детей!

– Я еще больше наловил бы, если бы не бабушка, – сказал Боря. – Она их до смерти боится.

– Бедная твоя бабушка!

– Я и так ей ничего про гадюку не сказал.

– Про кого?

– Про гадюку. Я ее четыре часа выслеживал. Она под камень ушла, а я ее ждал. Потом она вылезла, я ее защемил...

– Стало быть, и гадюку везешь? – перебил его рабочий.

– Ага! Она у меня в банке, отдельно. – Боря махнул рукой под скамью.

– Этого еще недоставало! – простонала пассажирка в темном углу.

Слушатели несколько притихли. Лица их стали серьезнее. Только лейтенант продолжал улыбаться.

– А может, это и не гадюка? – спросил он.

– «Не гадюка»! – возмутился Боря. – А что же тогда, по-вашему?

– Еще один Уж.

– Думаете, я ужа отличить не могу?

– А ну покажи!

– Да оставьте! – заговорили кругом. – Ну ее!

– Пусть, пусть покажет. Интересно.

– Ну что там интересного! Смотреть противно!

– А вы не смотрите.

Боря вытащил из-под лавки сумку и опустился перед ней на корточки. Стоявшие в проходе расступились, сидевшие на скамьях приподнялись со своих мест и вытянули шеи, глядя на зеленую банку.

– Сорок лет прожил, а гадюку от ужа не сумею отличить, – сказал гражданин в пенсне.

– Вот! – наставительно отозвался старичок. – А будь у вас в школе террариум, тогда смогли бы.

– Уж возле головы пятнышки такие желтые имеет, – сказал Боря, заглядывая сбоку внутрь банки. – А у гадюки таких пятнышек... – Он вдруг умолк. Лицо у него приняло сосредоточенное выражение. – У гадюки... у гадюки таких пятнышек... – Он опять не договорил и посмотрел на банку с другой стороны. Потом заглянул под лавку. Потом медленно обвел глазами пол вокруг себя.

– Что, нету? – спросил кто-то.

Боря поднялся. Держась руками за колени, он все еще смотрел на банку.

– Я... я совсем недавно ее проверял... Тут была...

Пассажиры безмолвствовали. Боря опять заглянул под скамью:

– Тряпочка развязалась. Я ее очень крепко завязал, а она... видите?

Тряпочка никого не интересовала. Все опасливо смотрели на пол и переступали с ноги на ногу.

– Черт знает что! – процедил сквозь зубы гражданин в пенсне. – Выходит, что она здесь где-то ползает.

– Н-нда! История!..

– Ужалит еще в тесноте!

Пожилая колхозница села на полке и уставилась на Борю:

– Что же ты со мной сделал! Милый! Мне сходить через три остановки, а у меня вещи под лавкой. Как я теперь за ними полезу?

Боря не ответил. Уши его окрасились в темно-красный цвет, на физиономии выступили капельки пота. Он то нагибался и заглядывал под скамью, то стоял, опустив руки, машинально постукивая себя пальцами по бедрам.

– Доигрались! Маленькие! – воскликнула пассажирка в темном углу.

– Тетя Маша! А, тетя Маш! – крикнула одна из девушек.

– Ну? – донеслось с конца вагона.

– Поаккуратней там. Гадюка под лавками ползает.

– Что-о? Какая гадюка?

В вагоне стало очень шумно. Девушка-проводница вышла из служебного отделения, сонно поморгала глазами и вдруг широко раскрыла их.

Двое парней-ремесленников подсаживали на вторую полку опрятную старушку:

– Давай, давай, бабуся, эвакуируйся!

На нижних скамьях, недавно переполненных, теперь было много свободных мест, зато с каждой второй полки свешивалось по нескольку пар женских ног. Пассажиры, оставшиеся внизу, сидели, поставив каблуки на противоположные скамьи. В проходе топталось несколько мужчин, освещая пол карманными фонарями и спичками.

Проводница пошла вдоль вагона, заглядывая в каждое купе:

– В чем дело? Что тут такое у вас?

Никто ей не ответил. Со всех сторон слышались десятки голосов, и возмущенных, и смеющихся:

– Из-за какого-то мальчишки людям беспокойства сколько!

– Миша! Миша, проснись, гадюка у нас!

– А? Какая станция?

Внезапно раздался истошный женский визг. Мгновенно воцарилась тишина, и в этой тишине откуда-то сверху прозвучал ласковый украинский говорок:

– Та не бойтесь! Це мм ремешек на вас упал.

Боря так виновато помаргивал светлыми ресницами, что проводница уставилась на него и сразу спросила:

– Ну?.. Чего ты здесь натворил?

– Тряпочка развязалась... Я ее завязал тряпочкой, а она...

– Интересно, какой это педагог заставляет учеников возить ядовитых змей! – сказал гражданин в пенсне.

– Меня никто не заставлял, – пролепетал Боря. – Я... я сам придумал, чтобы ее привезти.

– Инициативу проявил, – усмехнулся лейтенант.

Проводница поняла все.

– «Сам, сам»! – закричала она плачущим голосом. – Лезь вот теперь под лавку и лови! Как хочешь, так и лови! Я за тебя, что ли, полезу? Лезь, говорю!

Боря опустился на четвереньки и полез под лавку. Проводница ухватилась за его ботинок и закричала громче прежнего:

– Ты что? С ума сошел?.. Вылезай! Вылезай, тебе говорят!

Боря всхлипнул под лавкой и слегка дернул ногой:

– Сам... сам упустил... сам и... найду.

– Довольно, друг, не дури, – сказал лейтенант, извлекая охотника из-под лавки.

Проводница постояла, повертела в растерянности головой и направилась к выходу:

– Пойду старшему доложу.

Она долго не возвращалась. Пассажиры устали волноваться. Голоса звучали реже, спокойнее. Лейтенант, двое ремесленников и еще несколько человек продолжали искать гадюку, осторожно выдвигая из-под сидений чемоданы и мешки. Остальные изредка справлялись о том, как идут у них дела, и беседовали о ядовитых змеях вообще.

– Что вы мне рассказываете о кобрах! Кобры на юге живут.

– ...перевязать потуже руку, высосать кровь, потом прижечь каленым железом.

– Спасибо вам! «Каленым железом»!

Пожилая колхозница сетовала, ни к кому не обращаясь:

– Нешто я теперь за ними полезу!.. В сорок четвертом мою свояченицу такая укусила. Две недели в больнице маялась.

Старичок в панаме сидел уже на третьей полке.

– Дешево отделалась ваша свояченица. Укус гадюки бывает смертелен, – хладнокровно отозвался он.

– Есть! Тут она! – вскрикнул вдруг один из ремесленников.

Казалось, сам вагон облегченно вздохнул и веселее застучал колесами.

– Нашли?

– Где «тут»?

– Бейте ее скорей!

Присевшего на корточки ремесленника окружило несколько человек. Толкаясь, мешая друг другу, они заглядывали под боковое место, куда лейтенант светил фонариком.

– Под лавкой, говорите? – спрашивали их пассажиры.

– Ага! В самый угол заползла.

– Как же ее достать?

– Трудненько!

– Ну, что вы стоите? Уйдет!

Явился старший и с ним девушка-проводница. Старший нагнулся и, не отрывая глаз от темного угла под лавкой, помахал проводнице отведенной в сторону рукой:

– Кочережку!.. Кочережку! Кочережку неси!

Проводница ушла. Вагон притих в ожидании развязки. Старичок в панаме, сидя на третьей полке, вынул часы:

– Через сорок минут Москва. Незаметно время прошло. Благодаря... гм... благодаря молодому человеку.

Кое-кто засмеялся. Все собравшиеся вокруг ремесленника посмотрели на Боря, словно только сейчас вспомнили о нем. Он стоял в сторонке, печальный, усталый, и медленно тер друг о дружку испачканные ладони.

– Что, друг, пропали твои труды? – сказал лейтенант. – Охотился, охотился, бабушку вконец допек, а сейчас этот дядя возьмет да и ухлопает кочергой твое наглядное пособие.

Боря поднял ладонь к самому носу и стал соскребать с нее грязь указательным пальцем.

– Жалко, охотник, а? – спросил ремесленник.

– Думаете, нет! – прошептал Боря.

Пассажиры помолчали.

– Похоже, и правда нехорошо выходит, – пробасил вдруг усатый рабочий. Он спокойно сидел на своем месте и курил, заложив ногу за ногу, глядя на носок испачканного глиной сапога.

– Что – нехорошо? – обернулся старший.

– Не для баловства малый ее везет. Убивать-то вроде как и неудобно.

– А что с ней прикажете делать? – спросил гражданин в пенсне.

– Поймать! «Что делать»! – ответил ремесленник. – Поймать и отдать охотнику.

Вошла проводница с кочергой. Вид у нее был воинственный.

– Тут еще? Не ушла? Посветите кто-нибудь.

Лейтенант осторожно взял у нее кочергу.

– Товарищи, может, не будем, а? Помилуем гадюку?.. Посмотрите на мальчонку: ведь работал человек, трудился!

Озадаченные пассажиры молчали. Старший воззрился на лейтенанта и покраснел:

– Вам смех, товарищ, а нашего брата могут привлечь, если с пассажиром что случится!

– А убьете гадюку, вас, папаша, за другое привлекут, – серьезно сказал ремесленник.

– «Привлекут»... – протянула проводница. – За что это такое привлекут?

– За порчу школьного имущества, вот за что.

Кругом дружно захохотали, потом заспорили. Одни говорили, что в школе все равно не станут держать гадюку; другие утверждали, что держат, но под особым надзором учителя биологии; третьи соглашались со вторыми, но считали опасным отдавать гадюку Боре: вдруг он снова выпустит ее в трамвае или в метро!

– Не выпущу я! Вот честное пионерское, не выпущу! – сказал Боря, глядя на взрослых такими глазами, что даже пожилая колхозница умилилась.

– Да не выпустит он! – затынула она жалостливо. – Чай, теперь ученый! Ведь тоже сочувствие надо иметь: другие ребяташки в каникулы бегают да резвятся, а он со своими гадами две недели мытарился.

– Н-да! Так сказать, уважение к чужому труду, – произнес старичок в панаме.

Гражданин в пенсне поднял голову:

– Вы там философствуете. А проводили бы ребенка до дому с его змеей?

– Я? Гм!.. Собственно...

Лейтенант махнул рукой:

– Ну ладно! Я провожу... Где живешь?

– На улице Чернышевского живу.

– Провожу. Скажи спасибо! Крюк из-за тебя делаю.

– Ну как, охотники, убили? – спросил кто-то с другого конца вагона.

– Нет. Помиловали, – ответил ремесленник.

Старший сурово обвел глазами «охотников»:

– Дети малые! – Он обернулся к проводнице: – Совок неси. Совок под нее подсунем, а кочережкой прижмем. Неси!

– Дети малые! – повторила, удаляясь, проводница.

Через десять минут гадюка лежала в банке, а банка, на этот раз очень солидно закрытая, стояла на коленях у лейтенанта. Рядом с лейтенантом сидел Боря, молчаливый и сияющий.

До самой Москвы пассажиры вслух вспоминали свои ученические годы, и в вагоне было очень весело.

«На тебя вся надежда...»

Из-за переезда в новый дом мы не сняли дачу. Я, правда, побывал в пионерском лагере, но родители мои почти все лето провели в городе. Только два раза они выезжали на природу, и каждый раз со мной в это время что-нибудь случалось.

Про историю с козлом я уже рассказал. Вторая история случилась уже в середине августа, когда папа только что получил отпуск. Знакомые предложили родителям отправиться дней на десять в байдарочный поход. Папа с мамой никогда на байдарках не ходили, им очень хотелось узнать, что это за удовольствие, но взять меня с собой они отказались.

– Дай мы сами научимся весла держать, – сказал папа. – Тогда купим на следующий год байдарку – будешь с нами плавать.

Снова родители стали советоваться, на кого меня оставить. В этот раз такой человек нашелся быстро. Мама поехала зачем-то в центр города и вернулась очень довольная.

– Все устроилось! Тетя Соня у нас поживет.

– Тетя Соня? Тихомирова? – слегка удивился папа.

– Ну да! Я ее в автобусе встретила. Она сказала, что с восторгом переберется к нам и присмотрит за Лешкой.

– С восторгом? – тем же тоном переспросил папа.

Я тоже был несколько удивлен, что за мной будет присматривать именно тетя Соня и что она будет делать это с восторгом. Она была замужем за приятелем моего покойного дедушки. Папа знал его с детства, мама – тоже очень давно, но после смерти дедушки родители бывали у Тихомировых редко, а я в последний раз виделся с тетей Соней, когда мне было лет шесть или семь.

Мама объяснила, почему тетя Соня пришла в такой восторг. К ее мужу приехала куча родственников из Хабаровска, и она вынуждена была готовить на них, да мыть посуду, да водить их по магазинам. Теперь она скажет, что у нее заболел кто-то из близких, что она должна уехать, и пусть эти родственники сами моют посуду.

– Она уверена, что поладит с Лешей, – добавила мама. – Она говорит, что у нее врожденный педагогический талант.

– А у самой детей не было, – заметил папа.

– Хорошо! – рассердилась мама. – Что тебе, собственно, не нравится? Ну пусть она преувеличивает, и у нее нет педагогического таланта. А у кого из наших близких он есть?

Папа не ответил, а мне было все равно, кто за мной будет присматривать и есть ли у него педагогический талант. Я слишком был огорчен, что меня не берут в поход.

Всю вторую половину дня накануне отъезда папа с мамой ползали на четвереньках среди разложенных по полу вещей, все время что-то теряли, то

и дело ссорились. Я тогда не читал еще «Трое в одной лодке» и не знал, что все туристы так собираются в путь.

Часов в восемь раздался звонок.

– Тетя Соня, – сказала мама, и мы все пошли в переднюю.

Я слышал, что тете Соне около шестидесяти, но выглядела она моложе. У нее были светложелтые, кудряшками, волосы и короткое пестрое платье. Молча сжав красные губы бантиком, она подставила маме для поцелуя одну щеку, папе – другую. Затем она наклонилась ко мне и ткнула себя пальцем куда-то рядом с узким напудренным носом.

– Целуй сюда! – сказала она и снова сжала красные губы бантиком.

Я вяло чмокнул ее. Тетя Соня прошлась по передней, заглянула в одну комнату, в другую.

– Блаженство! – сказала она без всякого выражения.

– Что? – не понял папа.

– После того кошмара, который у нас в доме, здесь рай.

Мы вошли в комнату. Тетя Соня села на стул, вынула из сумочки плитку шоколада.

– Алеха!.. Это тебе.

Я взял шоколад, поблагодарил. Тетя подняла указательный палец.

– Но только, Леха, уговор: пока я здесь, ты будешь получать сладкое только после обеда и после ужина. – Склонив голову набок, она посмотрела на меня круглыми светло-серыми глазами. – Ну как, лады?

– Угу, – промычал я. Что-то не понравилось мне это «лады» и вообще манера тети Сони разговаривать со мной.

А она протянула руку и сказала:

– Молодец! Давай лапу на уговор!

Это мне тоже не понравилось, но я пожал руку. Покосившись на папу с мамой, я заметил, что они переглянулись.

Больше в тот вечер тетя Соня со мной не разговаривала. Меня послали гулять с Шумкой, а потом уложили спать.

На следующее утро тете Соне было не до меня. Она спрашивала маму, где лежит мое белье, как варить кашу «геркулес» (ей никогда не приходилось этого делать), по какому адресу сообщить, если со мной случится что-нибудь особенное. На это мама сказала, что она сама будет звонить из каждого поселка, где есть переговорный пункт.

Папа сходил за такси и приехал в нем к нашему подъезду. Антошка Дудкин, Аглая и рыжие Зинка и Васька Брыкины подошли к машине и стали смотреть, как в нее засовывают рюкзаки, авоськи, удочки и таксу Шумку (родители решили взять ее с собой).

– Лешк! Куда едешь? – спросил Дудкин.

– Никуда, – ответил я.

– Опять один остаешься? – спросила Аглая.

– Нет, голубчики, – сказала мама. – Теперь мы ученые, больше вы нам в квартиру козла не притащите.

– А мы и не собираемся, – буркнула Аглая, и все четверо отошли от машины.

Родители поцеловали меня, тетю Соню... Такси двинулось и скоро исчезло за воротами.

Вот тут тетя Соня за меня и принялась.

– Лешка! Пошли к Антону, – сказала Аглая. – Ему белых крыс подарили.

Я двинулся к ребятам, но тут услышал за спиной очень негромкий голос тети Сони:

– Алеша, можно тебя на минуточку?

Я вернулся, подошел к ней.

– Понимаешь, какое дело, Алеха, – почти шепотом проговорила она. – Нам нужно очень серьезно потолковать. Идем, а?

Я сказал ребятам, что скоро вернусь, и пошел за тетей Соней вверх. В кухне она села спиной к окну, положила ногу на ногу, чиркнула спичкой, затянулась сигаретой и заговорила:

– Слушай, Леха... Ты парень взрослый, голова у тебя работает – во! – Она показала большой палец. – Значит, мы можем говорить как человек с человеком. Ага?

– Ага, – пробормотал я.

– Так вот, я хотела тебя спросить: как ты расцениваешь свой поступок?

– Какой поступок?..

– А вот сейчас, во дворе...

Я молчал, обалдело глядя на эту странную тетку. А тетка отвела руку с сигаретой далеко в сторону, и тоже молчала, и тоже смотрела на меня круглыми светлыми глазами со слипшимися от краски ресницами.

– Я... я не помню никакого поступка, – пробормотал я.

– Очень жаль! – молвила тетя Соня и снова застыла, сжав губы бантиком.

Я взмок от напряжения, но так и не понял, что ей от меня надо.

– Хорошо. Я тебе подскажу, – смилостивилась наконец тетя Соня. – Вот тебя ребята позвали смотреть белых крыс. Я понимаю, крысы, конечно, дело важное, но я-то все-таки не пустое место. А?

Тут я молча кивнул.

– А как же ты поступил? Тебя позвали, и ты, не оглянувшись на меня, не спросив, как я к этому отнесусь, взял да и пошел к ребятам. Словно и нет меня. По-товарищески это, как ты полагаешь?

Я совершенно не понимал, что в моем поступке могло быть нетоварищеского, но на всякий случай качнул головой.

Тетя Соня затянулась сигаретой, выпустила дым.

– Так что же, по-твоему, теперь надо сделать?

– Попросить прощения, – в страшной тоске промямлил я.

– Умница! – воскликнула тетя Соня. – Давай лапу! Я была уверена, что мы с тобой душа в душу заживем.

– Лешка! Ну скоро ты? – донеслось со двора.

Я уже не знал, как надо себя вести.

– Тетя Соня, можно я пойду?

– К этим самым... крысам? – Тетя Соня помолчала. – Крысы, я понимаю, – это очень интересно, только знаешь что я тебе скажу!.. Давай такой уговор: сначала дело, а потом развлечения. Ага?

Я спросил, какое дело она имеет в виду.

– А дело оч-чень, оч-чень важное. Мы сейчас займемся составлением распорядка дня.

Я не стал возражать. Я пошел в комнату, лег на подоконник и сказал ребятам, что к Антону не пойду.

– Эта... длинноногая не пускает? – приглушенно спросила Аглая.

Я молча кивнул.

Тетя Соня так увлеклась составлением распорядка дня, что забыла приготовить обед, и мы пообедали «геркулесом», сваренным, правда, на молоке. Теперь, согласно «распорядку», я мог гулять только два часа перед обедом и столько же перед ужином, а остальную часть дня мне предстояло заниматься «осмысленным времяпрепровождением». Под этим тетя Соня подразумевала утреннюю гимнастику (я ее и так делал), уборку своей комнаты, мытье чайной посуды (столовую посуду тетя Соня взяла на себя), повторение пройденного в школе, чтение художественной литературы (два часа), послеобеденный отдых (один час). Где-то между этим отдыхом и вечерней прогулкой тетя Соня написала: «Свободное время». Но потом она спросила меня, чем я люблю в свободное время заниматься. Я сдуру ответил, что люблю мастерить, что сейчас клею из картона фрегат. Тут тетя Соня зачеркнула «свободное время», а сверху написала: «Труд».

Я попытался объяснить, что уже сделал всю домашнюю работу, которую получил на лето, пытался втолковать тете Соне, что я люблю читать, но привык это делать, когда мне захочется, пытался я возразить и против пункта о прогулках... Тетя Соня долго смотрела на меня, склонив голову набок, потом проговорила:

– Лешка!.. Ты слышал когда-нибудь о знаменитом русском ученом Павлове?

– Слышал, – сказал я.

– Что же ты слышал?

– Он делал опыты с собаками... и еще там... эти... рефлексы всякие.

– Правильно! – сказала тетя Соня. – Так вот, этот академик в журнале «Здоровье» недавно написал, что для человека имеет колоссальное значение размеренный ритм жизни. – Тетя Соня закурила очередную

сигарету. – Леха! Ты же совершенно взрослый парень! Ты же не можешь не понимать, что папа с мамой тебя немного разболтали. Верно ведь? Да?

Я промолчал.

– Так вот, давай устроим папе с мамой сюрприз. Они вернутся и не узнают своего сына: подтянутый, дисциплинированный – словом, во человек!

Я спорить не стал. Я не додумался, а просто почувствовал, что это бесполезно.

Из-за составления распорядка дня мне перед обедом погулять не пришлось. Не удалось и почитать: это положено было делать перед дневной прогулкой. Зато сразу же после обеда я начал жить в строго размеренном ритме: мне пришлось достать подушку, плед и лечь на диван. Читать в это время не разрешалось.

Я лежал, смотрел в потолок и думал об академике Павлове. Почему-то мне казалось, что он давно умер, а он, выходит, жив и пишет в журнале «Здоровье». Я удивлялся: неужели и он читает художественную литературу только в строго определенные часы, даже тогда, когда читать ему совсем не хочется? Что-то, казалось мне, здесь не так.

Через час в комнату вошла тетя Соня и, вскинув голые руки к потолку, весело закричала:

– Подъе-е-ем! – И тут же спросила: – Итак, чем сейчас будем заниматься?

– Трудом, – вздохнул я.

– Умница! – сказала тетя Соня и исчезла.

Убрав подушку и плед, я сел за маленький столик, над которым висели кое-какие инструменты и на котором стоял остов моего фрегата.

Как сделать его, меня научил папа. Я уже вырезал из картона киль и приклеил к нему округлые картонные шпангоуты. Края шпангоутов были часто надрезаны и загнуты так, чтобы к ним можно было приклеивать обшивку, состоящую из множества узких, тоже картонных полосок. Часть обшивки была уже готова, оставалось доделать примерно две трети.

Безо всякого удовольствия наклеил я одну полоску, другую, но потом я вспомнил, что мне надо еще сделать в бортах люки для пушек. Мне стало вдруг интересно, и я принялся за работу уже с увлечением.

Дверь открылась, вошла тетя Соня.

– Молодец малый! – сказала она и, придвинув стул, под села к столику. – До чего приятно смотреть на человека, который не собак гоняет, а что-то такое создает, соображает что-то такое...

Я скрючился над своим столиком. Тетя Соня долго рассказывала, какие ценные качества развивают в человеке занятия трудом, а я все макал да макал кисточку в клей и все водил да водил этой кисточкой по одной и той же картонной полоске, лежащей на старой газете.

Вдруг тетя Соня переменяла тон:

– Между прочим, Леха, я подметила в тебе одну слабую черточку.

– Какую? – не поднимая головы, спросил я.

– Ты работаешь старательно, но очень медленно. Ты подумай: я уж сколько здесь сижу, а ты все мажешь, мажешь эту штучку... А когда же приклеивать? Надо так: намазал – приклеил, намазал – приклеил!.. Ну? Ты согласен со мной?

Я перестал мазать и начал приклеивать полоску картона к этому распроклятому кораблю.

...Когда я вышел гулять, во дворе на лавочке сидели Аглая и Антошка Дудкин. Дудкин спросил меня, почему я все время торчу дома.

– Небось эта тетка не пускает, – сказала Аглая. – Кто она тебе?

Как я ни сдерживался, я все-таки начал всхлипывать. Аглая и Дудкин встревожились:

– Чего это с ним?

– Лешка!.. Ты чего?

– Из-за вас все это... – проплакал я.

– Что из-за нас?

Я напомнил им, как родители попробовали оставить меня на целый день одного и что из этого получилось. И вот теперь мне не доверяют. Я поведал, как «эта тетка» мне вздохнуть не дает, рассказал про распорядок дня, про занятия трудом. Увлечшись, я даже приврал, что тетя Соня ходит за мной по пятам, подглядывает и все время читает нотации.

– Чокнутая какая-то, – сказала Аглая.

– А у тебя что, языка нет? – спросил Дудкин.

– Какого языка?

– А вот такого! Чтобы сказать: «Я вам не маленький, и нечего вам командовать. Буду жить, как при родителях жил, и все! И не привязывайтесь!»

Этот совет засел у меня в голове, но ни в тот день, ни на следующий я не решился его выполнить. Я взбунтовался лишь на третий день после отъезда родителей.

Утро началось как обычно. Тетя Соня усадила меня за повторение пройденного. Я положил перед собой учебник географии, которую знал наизубок, и, как только тетя Соня ушла в продуктовый магазин, взялся читать «Приключения Тома Сойера». Тетя Соня вернулась, проверила меня по учебнику, похвалила и ушла в кухню, напомнив, что теперь я должен заняться чтением художественной литературы.

Я не возражал. Я как раз дочитал до того места, где Том и Гек решают отправиться ночью на кладбище сводить бородавки. До сих пор «чтение художественной литературы» было для меня самым приятным пунктом в «распорядке дня». Тетя Соня готовила в это время обед и ко мне не заходила. Однако на этот раз все получилось иначе.

...По спине у меня ползали мурашки, в животе было холодно. Я читал, как на кладбище, где притаились мальчишки, явились гробокопатели: индеец Джо, Мефф Поттер и доктор Робинсон. «Теми же лопатами они подняли крышку, выволокли мертвеца и бесцеремонно бросили его на землю», – прочел я.

– Умница! – услышался голос тети Сони. Она стояла в дверях, скрестив руки на груди. – Я вот уже минут пять наблюдаю за тобой и вижу, что ты читаешь не абы как, а внимательно, с интересом... Вот так всегда читай! Чтение только ради чтения никакой пользы не приносит. – Она под села к столу (совсем как тогда, с фрегатом) и взяла книгу. – «Приключения Тома Сойера». Должно быть, очень интересно. Да?

Я понял, что тетя Соня «Тома Сойера» не читала; а она полистала книгу и спросила:

– Ну, кто тебе из героев больше нравится: Бекки Тэчер или этот, как его? – Она снова полистала книгу. – Или индеец Джо?

– Бекки Тэчер, – прохрипел я, начиная дрожать.

Тетя Соня положила книгу, поставила локти на стол и подперла подбородок тыльной стороной ладоней.

– Ну, давай расскажи мне содержание. Мне хочется знать, как ты усваиваешь прочитанное.

Я молчал. Я слова не мог вымолвить.

– погоди! Не рассказывай! – вдруг воскликнула тетя Соня. Ее осенила новая идея.

Она велела мне взять чистую тетрадку и надписать: «Дневник чтения». Когда я выполнил это, она поднялась.

– Теперь я пойду готовить обед, а ты продолжай читать. Когда дочитаешь, запиши фамилию автора, название и краткое содержание. Идет?

Я слез со стула и тихо сказал:

– Не буду я записывать.

– Что? – переспросила тетя Соня.

– Ничего я не буду записывать, – повторил я уже громче. – И... и вообще я сейчас пойду гулять.

Тетя Соня слегка попятилась, сцепила пальцы перед грудью и уставилась на меня.

– Алексей!.. Я хотела бы знать, что это за тон и что это значит: «Я пойду гулять»?

– А то и значит: пойду гулять, и все! – Крикнув это, я выбежал в переднюю и там обернулся: – И вообще... и вообще буду делать что хочу. Вот! И не привязывайтесь!.. Вот!

Тетя Соня повернулась в сторону передней, но ничего не ответила.

Ребята во дворе одобрили мой бунт. Всю первую половину дня я проболтался вместе с ними, но так и не запомнил, во что мы играли, о чем говорили. Я думал о том, как вести себя, когда вернусь домой.

Во время игры Аглая вдруг зашептала:

– Лешк! Смотрит!.. На тебя смотрит!

Оглянувшись, я увидел в окне тетю Соню. Она вытирала тарелку и смотрела на меня с каменным лицом. Я поспешил отвернуться. Когда я снова покосился на окно, тети Сони уже не было.

Но вот ребята разошлись: настало время обедать. Поплелся домой и я. Открыл дверь своим ключом, вошел в переднюю на цыпочках, надеясь проскользнуть к себе в комнату бесшумно. Только ничего не получилось.

– Можешь идти обедать, – сказала тетя Соня из кухни.

Вымыв руки, я вошел в кухню и сел перед тарелкой с красным борщом. Тетя Соня сидела напротив. Перед той тоже стоял прибор, но в тарелке у нее ничего не было.

Ел я без аппетита. Прошло, наверное, минут десять, пока я одолел полтарелки. Все это время тетя Соня сидела, подперев подбородок руками, и не шевелилась. Но вот она негромко спросила:

– Ты ничего не замечаешь?

Я посмотрел на нее, на ее пустую тарелку и ответил:

– Замечаю.

– Что же именно ты замечаешь?

– Что вы ничего не едите.

После этого тетя Соня молчала еще минуты две, потом заговорила:

– Так вот, Алексей: я никогда детей не наказывала и наказывать не стану. Таков мой принцип. Но имей в виду: я до тех пор ничего не буду есть, пока ты не извинишься передо мной и не начнешь вести себя, как мы уговорились. Дошло?

Я так и застыл с полной ложкой во рту. Уж казалось, я испытал на себе все приемы, к которым прибегают взрослые, воспитывая детей: мне делали ласковые замечания, читали строгие нотации, со мной часами не разговаривали, меня наказывали по-всякому. Папа раза два даже угостил ремнем... Но чтобы из-за меня объявляли голодовку – такого я еще не знал.

Я проглотил наконец ложку борща и стал думать, как быть. Не извиняться, согласиться на то, чтобы тетя Соня продолжала голодать, – что-то в этом было нехорошее. Но если я попрошу прощения, мне сегодня же придется в

обязательном порядке клеить фрегат. И вдруг меня осенило. Я вылез из-за стола и сказал:

– Я тоже не буду есть.

Тетя Соня выпрямилась и приоткрыла рот. Такого хода с моей стороны она не ожидала. Но она очень скоро пришла в себя и холодно отчеканила:

– Не ешь.

У себя в комнате я лег на диван и натянул плед на голову. Это я проделал на тот случай, если тетя Соня вздумает войти и завести разговор. Но она не вошла.

Я лежал и подсчитывал, сколько же мне еще осталось терпеть. Выходило – не меньше недели. Я представил себе три байдарки, скользящие вдоль зеленых берегов, а в одной из них – папу с мамой. Они плывут себе, переговариваясь с друзьями, по вечерам ставят палатки и, наверное, подолгу болтают у костра... И небось они воображают, что мне очень даже хорошо с этой теткой, вообразившей себя великим педагогом. Они там развлекаются в свое удовольствие, а мне вот мучайся из-за них.

Я всхлипнул. Я почувствовал, что сердце мое ожесточилось. Мне захотелось выкинуть что-нибудь такое, что мама с папой надолго бы запомнили. Одним словом, мне захотелось проучить своих родителей и эту самую тетю Соню.

Я откинул плед, посмотрел на часы. Прошло минут тридцать, как я лег. В квартире не слышно ни звука. Нет!.. Какой-то звук все-таки доносился из соседней комнаты: вроде бы похрапывание... Я встал, прошел в одних носках в переднюю. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта...

Так и есть! Тетя Соня лежала на тахте и спала. Рядом с ней на полу валялась книга и стояла пепельница, в которой еще дымился окурок.

Примерно еще через полчаса я вышел из подъезда. На мне было драповое пальто, зеленая вязаная шапка и шерстяные брюки. Под мышкой я держал школьный портфель. В нем навалом лежали шесть котлет, граммов триста колбасы, «Приключения Тома Сойера», полбатона, полпачки сахара и куча сухарей, которые мама сушила в духовке на котлеты. Сухарей было так много, что портфель из-за них не закрывался.

Под аркой ворот я встретил Аглаю. Она несла в авоське пакеты с молоком. Увидев меня, она застыла, поставив исцарапанные ноги носками внутрь.

– Чего это ты? Как на Северный полюс...

Я всегда чувствовал, что Аглая относится ко мне свысока, считая меня размазней или маменькиным сынком. Вот теперь она поймет, с кем имеет дело! Я остановился и, понизив голос, сказал загадочно:

– Ничего! Зато вот ночью мне не будет холодно.

– Как это... ночью?

– А вот так! Никому не скажешь?

– Чего не скажу? Вот тебе честное – никому! А что такое?..

– Я из дома убежал.

Аглая неподвижно смотрела на меня черными глазками. Одна растрепанная коса свисала ей на грудь, а другая была за спиной.

– Вот... да-а-а! – протянула она тихо. – Насовсем?

– Насовсем. То есть... пока родители не вернутся.

– Тебя эта тетка довела?

Я кивнул.

Аглая разглядывала меня так, словно мы только что познакомились.

– Вот... да-а-а! – снова протянула она в раздумье. – А где ты жить будешь?

Я сказал, что днем буду скитаться по улицам, а ночевать – в парке на лавочке. Не зря я так тепло оделся.

– Тебя в милицию заберут.

– Ну и пусть. Так ей и надо. – Я имел в виду не милицию, а тетю Соню.

– А если простудишься и помрешь?

– И пожалуйста! В другой раз они будут знать.

– Кто «они»?

– Родители.

– Во дурной! Да ведь другого раза тогда уже не будет: ты ведь помрешь!

Я промолчал. Я почувствовал, что тут не все до конца мной продумано.

Аглая замотала головой:

– Лешка, не! В парке на лавочке – это все глупости... Гляди, какая туча, и еще по радио говорили – сегодня похолодание и дождь. Лешка, знаешь что? Иди пока в «ущелье» и там жди. Я молоко отнесу, ребят позову, и мы что-нибудь придумаем. Мы над тобой шефство возьмем: спрячем где-нибудь и будем тебе пищу носить и все такое.

Аглая убежала, а я остался под аркой слегка ошеломленный.

Уходя из дома, я рисовал перед собой такую картину: вечер, людная, освещенная фонарями улица... Куда-то спешат веселые, беззаботные прохожие... А недалеко в пустом и темном парке лежит на скамейке бесприютный мальчик. У меня даже в горле першило от очень приятной жалости к себе. Теперь все получилось не так трогательно, зато куда интересней. Вся Аглаина компания узнает, какой я отчаянный. Все они будут волноваться из-за меня, хлопотать, шушукаться, и сама Аглая будет заботиться о моем пропитании.

«Ущельем» назывался узкий тупичок между бетонным забором нашего двора и большой трансформаторной будкой. Я пробирался в него через весь двор, держась под самой стеной дома, чтобы тетя Соня не увидела из окна. Во дворе сидели на лавочках старушки, перед ними играли малыши, но никто не обратил на меня внимания.

В «ущелье» стоял какой-то старый ящик. Я положил на него портфель, снял пальто, шапку и стал прохаживаться, ожидая ребят. Я решил держаться перед ними очень хладнокровно, как будто побег из дома для меня самое плевое дело.

Прошло минут двадцать. Я забеспокоился: вдруг Аглаю почему-либо задержали родители? Но только я об этом подумал, как в мой тупичок вбежали четверо: Зина и Васька Брыкины, Аглая и Антошка.

– Лешка, порядок! – объявил Дудкин. – Аглая мне сказала, у меня сразу мозги завертелись, и я в момент все придумал.

– У тебя квартира будет шикарная, – пояснила Аглая. – Четыре комнаты, кухня и два телефона.

– Только ты смотри ничего не трогай, – сказала Зинаида.

– Ага! – кивнул Васька. – А то нам знаешь как попадет!

Он и его сестра были двойняшки и очень походили друг на друга: оба рыжие, круглолицые, оба в веснушках и почти без бровей. Но характеры у них были

разные: Зина – властная, деловитая, а Ваську ребята часто называли «лопухом» – он только поддакивал сестре да во всем подчинялся ей.

Я ничего не понял. Какая квартира? Какие комнаты? Какие там еще телефоны?.. Но постепенно мне все объяснили. На одной площадке с Брыкиными была квартира профессора Грабова. Сейчас профессор с семьей жил на даче, а ключи от его квартиры были оставлены Брыкиным, которые взялись поливать цветы в горшках на подоконниках. Вот в этой квартире мне и предлагали поселиться. Поливкой цветов занимались Зина и Вася. Два ключа, связанные тесемочкой, болтались сейчас на указательном пальце Зинаиды. Она сказала:

– Я бы ни в жизнь не согласилась, если бы не Антон. Он говорит, что ты из-за нас страдаешь.

– Ага, – кивнул Вася. – Из-за козла.

Я как-то скис. Ночевать в пустой чужой квартире показалось мне страшнее, чем ночевать в парке. Но признаться я в этом не захотел и попытался выкрутиться другим способом. Я поблагодарил и сказал, что не хочу подводить Зину и Васю: ведь им может попасть из-за меня.

– Да откуда им попадет! – воскликнула Аглая. – Ты, главное, сиди тихо, свет не включай и ничего не трогай. Тогда никто ничего и не узнает.

Услышав «свет не включай», я еще больше скис. Я сказал, что тетя Соня может обратиться в милицию, оттуда пришлют собаку-ищейку, и она найдет меня по следам. Зинаида помрачнела.

– Тогда отец с меня шкуру сдерет.

– И с меня тоже, – сказал Вася.

– Придумал! – вскричал Антон. – Ни одна собака его не найдет. Мы с Васькой его на руках отнесем, и он никаких следов не оставит.

– На четвертый этаж? – усомнилась Аглая.

– А чего? Мы только до лифта. А там чуток подержать его на руках, и лифт нас подымет.

Всем понравилась эта идея, и я понял, что мне уже не отвертеться. Девочки взяли мой портфель и пальто, Вася с Антоном скрестили руки, и я сел на них, обхватив мальчишек за шею. Они двинулись по двору мелкими шажками. Девочки шли рядом, загораживая меня от малышей и старушек.

– Как бы в подъезде... как бы в подъезде на кого не нарваться! – прокричал Дудкин.

Дверь подъезда, как всегда, была открыта только на одну створку. Антону с Васькой пришлось попытеть, втаскивая меня боком. Нам повезло: в подъезде мы никого не встретили и кабина лифта оказалась внизу. Зина побежала наверх пешком, Антошка с Васькой внесли меня в лифт, за нами вошла Аглая. Она закрыла двери и нажала кнопку. Зина взбежала на четвертый этаж почти одновременно с нами. Тяжело дыша, она открыла сначала внутренний замок, потом английский.

– Тащите! – прошептала она.

Дудкин с Васькой снова запыхтели, протаскивая меня в дверь. Войдя в переднюю, Антон споткнулся о резиновый коврик для ног, и мы все трое грохнулись на пол. Девчонки юркнули за нами и бесшумно закрыли дверь.

– Вроде тощий, а какой тяжелый! – заметил Дудкин, подымаясь и потирая голову над ухом.

Отдышавшись, мы пошли осматривать мое новое жилище. Тут действительно было четыре комнаты: кабинет профессора, спальня профессора и его жены, комната их взрослой дочери и ее мужа и еще большая общая комната вроде гостиной. Мебель везде была новая, низкая, и только в спальне стояли две старомодные кровати никелированными спинками к двери. На них Зинаида обратила мое особое внимание.

– Ты, если услышишь три звонка, не бойся: это значит – я пришла или Вася. А если услышишь, кто-то без звонка входит, – сразу под кровать ныряй: это значит – мама пришла или, еще хуже, отец.

Получил я и другие инструкции. Мне велено было держать пальто и провизию под кроватью, чтобы в случае тревоги не оставить где-нибудь на виду. Меня предупредили, чтобы я не зажигал электричества даже в передней и в коридоре, потому что двери в комнатах застекленные и свет будет заметен со двора. Потом все собрались уходить.

– Я тебе сегодня горячий ужин принесу, – сказала Аглая. – Я сразу пять звонков позвоню, и ты открой. А то для желудка вредно без горячей пищи.

Оставшись один, я присел на тахту в большой комнате. Конечно, это очень здорово, что Аглая принесет мне горячий ужин, но сидеть одному было скучновато, и вообще меня смущала мысль о том, что я буду тут делать,

когда стемнеет. Когда же я подумал о ночи, которую мне придется провести, не зажигая света, в этой огромной квартире, мне совсем стало тошно.

Я решил еще раз осмотреть квартиру. Заглянул в кухню, в комнату дочки профессора, зашел в его кабинет. Там две боковые стены от пола до потолка были заняты некрашеными полками с книгами. Я прошел вдоль левой стены, читая названия на корешках. Тут все было что-то научное, как я понял, медицинское. Я перешел к полкам на противоположной стене и начал двигаться от окна к двери. Здесь попадались книги, которые были и у нас: Достоевский, Чехов, Паустовский... Я стал высматривать, не попадет ли что-нибудь приключенческое. Прошел почти вдоль всей стены, но ничего не попало.

Двери в гостиной были распахнуты внутрь кабинета. Одна из створок закрывала от меня самые крайние книги. Я потянул к себе створку и... тут же скакнул назад. В углу на полке вровень с моей физиономией стоял грязно-желтый человеческий череп. Нескольких зубов у него не хватало, а во лбу над черной глазницей чернела неровная дыра.

Даже когда я был маленьким, меня нельзя было напугать ни Бабой-ягой, ни Кощеем Бессмертным, ни другими сказочными страшилищами. Но всего, что связано с мертвыми, я боялся до судороги.

Я выскочил в большую комнату. Я знал теперь одно: надо сматываться отсюда! Но только я об этом подумал, как услышал, что кто-то открывает входную дверь без всяких предварительных звонков. Я влетел в спальню и так стремительно бросился на паркет, что на полтуловища въехал под кровать юзом.

Едва я заполз туда целиком, послышались шаги и знакомый голос:

– Лешка! Эй! Это мы пришли.

Я вылез и увидел Зину с Васькой. Они объяснили, что не позвонили нарочно: хотели проверить, как я умею прятаться.

– Топаешь очень, – сказала Зина. – Ты ботинки сними. – Она присмотрелась ко мне. – Во, бледный какой! Испугался, да?

– Ага! – кивнул Васька. – Он испугался, когда мы вошли.

– Нет, я не испугался, – заговорил я быстро, осененный прекрасной идеей. – Я знаете... Мне что-то очень нездоровится... У меня, наверное... – Я помолчал, стараясь придумать такую болезнь, чтобы ребята сами поняли: мне надо

немедленно вернуться домой и лечь в постель. Но придумать я ничего не успел: один за другим прозвенели пять звонков.

– Наши! – сказала Зина.

Брат и сестра побежали открывать.

Я за ними не последовал, а только вышел в большую комнату.

Это пришли Аглая, Дудкин и еще один мальчишка – Юра Кузнецов. Взрослые говорили, что это самый интеллигентный мальчик в нашем доме. Он был чуть постарше меня, всегда спокойный, вежливый, аккуратно одетый. Когда наши решили похитить козла для своего спектакля, он единственный отказался участвовать в этом мероприятии.

– Лешка! – возбужденно заговорила Аглая. – Мы рассказали все Юре... и он такое придумал!.. Ты, может быть, уже сегодня вернешься домой, а тетка эта самая будет перед тобой на задних лапках ходить.

– Ультиматум ей надо послать, – вставил Дудкин.

– Что? – не понял я.

– Ультиматум, – повторила Аглая. – Юр! Объясни ему!

Юра стал передо мной и заговорил как можно убедительней:

– Слушай! Чего ради тебе торчать в этой квартире целую неделю?

У меня сразу стало очень хорошо на душе. Две минуты назад я ломал голову, под каким предлогом унести отсюда ноги, а тут меня самого убеждают, что торчать мне здесь вовсе не нужно. Но я промолчал, а Юра продолжал меня уговаривать:

– Во-первых, ты здесь умрешь от скуки. Да еще без свежего воздуха. Во-вторых, что, если профессор возьмет да и приедет с дачи?.. Ты прогноз слушал? Похолодание и дожди до последней пятнадцатки месяца.

– Ой, граждане! – заговорила Зина. – Профессор наверняка приедет, если дожди... Лешка! Ты уж, так и быть, эту ночь переночуй, а завтра иди еще куда-нибудь. А то нам такое будет!..

– Да он сегодня еще уйдет. Не мешай! – сказал Антон, и Юра продолжал:

– Ну вот! А с другой стороны, твоя тетка тоже не заинтересована, чтобы ты пропадал. Ты пойми ее положение: ей поручили присматривать за ребенком, а ребенок взял да смылся!

Короче говоря, когда Юра объяснил мне, что такое ультиматум, я понял, что передо мной могучего ума человек. Зина сказала, что у нее просто гора с плеч свалилась, а Васька поддакнул:

– Ага. И у меня тоже... гора.

У Юры уже все было готово для написания этого важного документа. Он дал мне листок бумаги и ручку. Я присел на низкий круглый столик, на котором стоял телефон.

– Заглавие написать – «Ультиматум»? – спросил я.

Юра сказал, что не надо. Как видно, он и содержание ультиматума уже обдумал, потому что продиктовал его мне почти без запинки:

...

– *«Уважаемая тетя Соня!*

Я категорически не согласен с Вашим педагогическим методом, которым Вы меня воспитываете. Я привык жить, как меня приучили мои родители, а Вы только и знаете, что нарушаете мою свободу и вмешиваетесь в мои дела. Вы думаете, что все это очень педагогично, а на самом деле Вы только потеряли для меня всякий авторитет. И вот результат! Мне пришлось бежать из дому, потому что лучше быть бесприютным бродягой, чем жить в Ваших невыносимых условиях.

Но для Вас еще не все потеряно. Если Вы дадите честное слово, что я получу свободу, как при маме с папой, я готов вернуться домой.

Если Вы согласны на мой ультиматум, вывесите в форточке белое полотенце.

* * *

Несколько минут мы только и делали, что расхваливали Юру. Особенно поразила всех великолепная фраза: «Но для Вас не все потеряно». Решено было, что Аглая бросит ультиматум в щель для почты на двери нашей квартиры, а Юра позвонит тете Соне по телефону и скажет измененным голосом: «Возьмите письмо от Леши».

Я был уверен, что тетя Соня вывесит полотенце еще до наступления вечера. Я так приободрился, что мне захотелось пофорсить перед ребятами.

– Хотите посмотреть одну забавную штучку? – сказал я небрежным голосом и повел ребят в кабинет профессора.

Увидев череп, Аглая вся передернулась:

– Вввввв!..

Антошка Дудкин и Брыкины молча попятились. Один Юра ничуть не испугался.

– Пуля, наверное, круглую дыру бы сделала, – сказал он. – А это... возможно, его холодным оружием убили: копьем каким-нибудь или чем-нибудь еще.

– Вввввв!.. – снова сказала Аглая и пошла из комнаты. – И как Лешке не страшно с ним в одной квартире!

– Я бы ни в жизнь не осталась, – сказала Зинаида.

Я промолчал. Форсить мне что-то больше не хотелось. Я понял, что сейчас все уйдут, а мне-то придется «с ним» остаться еще на несколько часов.

– Мы, как увидим полотенце, сразу тебе сообщим, – сказал на прощание Дудкин.

Я поплелся провожать своих гостей. В переднюю я за ними не пошел, а остался за углом длинного коридора. И хорошо сделал. Когда ребята выходили на площадку, я услышал, как распахнулась дверь квартиры Брыкиных и сердитый мужской голос громко спросил:

– А это еще что за визитеры?

Секунды три длилась полная тишина. Потом Зинаида залепетала:

– Папа... я... мы... мы им только цветы... Я им только цветы хотела показать...

– Они... цветы... – пропищал Васька.

– «Цветы»! Тебе ключи для того дали, чтобы ты весь двор водила? (Голос папаши Брыкина донесся уже из передней, и я на цыпочках пустился в спальню.) Давай сюда ключи! А с матерью я еще поговорю. Ее люди об одолжении попросили, а она это дело соплякам перепоручила!

Я слышал, как отец Зины и Васьки обошел всю квартиру, как зашел в спальню, постоял там немного.

– Черт их носит! – сказал он негромко и удалился.

Хлопнула входная дверь, потом чуть слышно дважды щелкнул ключ в замке. Страшная догадка потрясла меня. Подождав немного, убедившись, что настала полная тишина, я вылез из-под кровати и пошел в переднюю. Там я повернул ручку английского замка и потрогал дверь. Так я и знал: папаша Брыкин запер меня на внутренний замок.

Вернувшись в комнату, я машинально остановился перед большим зеркалом. Тогда я не обратил внимания, как выглядит мое отражение, а сейчас припоминаю: что-то вроде близкого к обмороку небольшого червячка с взъерошенной челкой над белым лицом.

Прошло некоторое время, прежде чем я начал что-то соображать. Может, Зина проследит, куда отец положил ключи, а потом утащит их?..

Я прикрыл дверь кабинета и сел подальше от нее на уголке тахты. Не знаю, сколько времени я так просидел. Послышалось пять звонков. Я пошел в переднюю и прошептал:

– Кто там?

Металлическая крышка над щелью для почты приподнялась, и за дверью зашелестело:

– Лешка! Это я, Антон... Тебя на внутренний замок заперли.

– Знаю, – прошептал я.

– Лешк! Мы твой телефон развели. Будем по-особому звонить: сначала один звонок дадим и сразу положим трубку... А когда снова позвоним, ты подходи. А если просто будут звонить, ты не подходи. Понял?

– Понял, – прошептал я и услышал, как Дудкин понесся по ступенькам вниз.

Минут через десять зазвонил телефон и умолк. Когда он снова зазвонил, я взял трубку.

– Леш! Это я говорю, Аглая. Во какая ужасная вещь получилась! Зинкин отец ключи забрал к себе и в ящик запер... А ключ от ящика всегда у него.

– А... а как же я?

– А ты... ты, Лешка, пока потерпи... Мы потом что-нибудь придумаем... Сообразим что-нибудь...

– А... а сколько мне терпеть?

– Леша! Мы пока еще ничего не знаем. Если бы Зинкин папа на работе был, он бы ключи матери оставил, и тогда мы уж как-нибудь... Но только Зинкин папа отгул взял на четыре дня: стены обоями оклеивать.

– А я? Вы меня, значит, не выпустите?

– Не, Леш... выпустим. Только не сегодня.

– Завтра? – с ужасом в сердце спросил я.

– Не, Леш... не завтра и не послезавтра... – Аглая объяснила мне, что цветы поливают через два дня на третий, а сегодня их уже поливали. Значит, только через два дня Зинин папа отдаст Зининой маме ключи, и тогда их можно будет попытаться стащить.

Я молчал. Я просто не знал, что мне сказать на все это.

– Леша, ты слушаешь? – спросила Аглая.

– Слушаю.

– Леш, ты только не подведи, в окна не выглядывай и свет не зажигай. А то знаешь что Зинке с Васькой от отца будет! Они сейчас сидят у нас в подъезде и ревут оба... Леша, и нам всем попадет, на тебя вся надежда... Не подведешь? Леша, пока!.. Мама из гастронома вернулась...

Послышались частые гудки.

В другой раз я лопнул бы от гордости, услышав, как Аглая сказала: «На тебя вся надежда». Но сейчас я никакой гордости не испытывал.

Я вернулся на уголок тахты. Мне хотелось плакать, но я почему-то сдерживался и только тихонечко кряхтел, не замечая, что у меня течет из носа.

За окном что-то стало тихо постукивать. Это пошел дождь.

Через какое-то время телефон снова зазвонил, умолк и зазвонил опять. На сей раз это был Дудкин.

– Лешка! Твоя тетка ходит по квартирам и спрашивает, куда ты мог деваться.

– А про ультиматум она говорит?

Дудкин ответил, что про ультиматум тетя Соня ничего не говорит, хотя он наверняка ею получен: Аглая отнесла его, как было условлено, а Юра позвонил и лично разговаривал с тетей Соней.

– А полотенце она вывесила?

– Не, не вывесила. Она говорит, что, если до вечера тебя не найдет, в милицию заявит. – Антошка помолчал. – Леш! А вдруг такое дело получится: ультиматум дадут понюхать ищейке и она Аглаю найдет... А та с перепугу признается...

Антошка не подозревал, как меня обрадовали эти слова. Не то чтобы я верил в ищейку, но я верил в милицию вообще. Ее работники не такие тайны раскрывали, уж наверное, они сумеют быстро узнать, куда меня запрятали.

После разговора с Дудкиным у меня даже аппетит появился. Я съел три котлеты, запил их водой из крана и стал ждать дальнейших сообщений.

Но телефон молчал, а на дворе быстро темнело. Скоро сделалось так темно, что я смог подойти к окну, не боясь, что меня увидят. Уже светились окна в двухэтажных бревенчатых домишках напротив нашего нового дома... Вот зажглись яркие фонари в нашем большом дворе. Я придвинул к подоконнику стул, забрался на него коленями и принялся смотреть вниз: не появится ли там милиция. Я смотрел так внимательно, так напряженно, что даже забыл на некоторое время про череп. Но съезжившиеся фигуры, которые иногда пробегали под дождем, на милиционеров не походили.

И вот опять зазвонил телефон.

– Лешк! – почему-то встревоженно проговорил Дудкин. – Твоя тетка полотенце вывесила. Уже часа два как висит.

– А как же в милицию?.. Не заявила? – разочарованно спросил я.

– Не... Похоже, не заявила. А чего ей заявлять? Она знает, что ты живой и здоровый... Где-то поблизости прячешься. – Голос Антона снова зазвучал тревожно: – Лешка, слушай! Меня и Глашку уже родители допрашивали... «По лицам, говорят, видим, что вы в этом деле замешаны. Если, говорят, узнаем, что это так...» Лешка, одним словом, сам понимаешь: мы из-за тебя можем все пропасть. Ты, главное, свет не зажигай. Лешка, ну, пока! Я из автомата... Тут очередь... – Я уже собрался положить трубку, как из нее послышалось: – Лешка! Эй!

– Ну? – спросил я грустно.

– Лешка, Аглая велела тебе передать, чтобы ты этого не боялся... Ну, который у профессора на полке... Чего его бояться? Ну, кость и кость... Ты что, костей не видел? Лешка, пока! До завтра! Тут стучат...

Я остался в темноте и в тишине. Теперь я уже не мог не думать о «кости», как назвал эту штуку Дудкин. Я потоптался возле столика, потом снова сел в кресло и почти оцупью набрал номер нашей квартиры. Я не знал, о чем буду говорить. Мне просто хотелось услышать человеческий голос.

– Да! Слушаю!

– Тетя Соня, это вы?

– Лешка! Ты... ты жестокий, бесчувственный мальчик! У меня больное сердце! Я из-за тебя «неотложку» собиралась вызывать. Где ты находишься?

Мне представилась светлая, такая уютная комната, моя полка с книгами, мой недостроенный фрегат... Но тут же я вспомнил о Зинке с Васькой, которые ревели от страха в подъезде у Дудкина, вспомнил слова Аглаи: «На тебя вся надежда». И я почувствовал, что в этот момент решается вся моя судьба: или я промолчу, или навсегда сделаюсь самым последним человеком. И я промолчал.

– Где ты находишься, тебя спрашивают!

– В одном месте, – почти плача ответил я.

Тетя Соня не заметила моего жалобного тона.

– Впрочем, мне наплевать, где ты находишься. Кончай свои глупости и немедленно являйся домой.

– Тетя Соня... я сейчас не могу...

– Что «не могу»?

– Домой прийти не могу.

– Почему это «не могу»?

– По... по одной причине.

– По какой еще причине? Алексей! Я, кажется, полотенце вывесила. Когда ты явишься наконец?

– Тетя Соня... Я... явлюсь. Только не сегодня и не завтра...

– Будь я трижды проклята, что связалась с этим кретином. Алексей! Ты понимаешь, что я отвечаю за тебя перед родителями? Ты хочешь меня до сердечного приступа довести?

Мы разговаривали очень долго. Я был бы рад, если бы наша беседа продлилась до утра, но голос тети Сони с каждой минутой становился спокойнее. Наконец она сказала:

– В общем, спасибо за то, что позвонил! Теперь я вижу, что с тобой ничего не случилось, а ты попросту хулиганишь. Скорее всего, сидишь у какого-нибудь своего дружка. Интересно, где только его родители?

Поговорив с тетей Соней, я пробрался по коридору и нащупал выключатель рядом с дверью ванной. Уж здесь-то я мог зажечь свет. В ванной было очень хорошо: яркая лампа, белые кафельные стены, белый ящик для белья, белая табуретка рядом с ним. Я сел на эту табуретку, однако спокойней себя не почувствовал. Здесь-то было хорошо, светло, но я знал, что недалеко, в темной комнате профессора, стоит на полке череп с пробитым лбом. Я старался не думать о нем, но у меня ничего не получалось.

И вдруг я понял, что мне поможет отвлечься. Ведь у меня в портфеле лежит «Том Сойер»! Очень долго я собирался с духом, чтобы выйти из светлой ванной. Наконец вышел, оставив дверь чуть приоткрытой, пробрался, весь дрожа, в спальню, нащупал под кроватью портфель и, схватив его, сломя голову бросился обратно, рассыпая по дороге сухари.

В ванной я запер дверь на задвижку, отдышался, извлек «Тома Сойера» из кучи съестных припасов, открыл книгу на заложенной бумажкой странице и тут же прочитал: «В этот момент луна выплыла из-за туч и осветила бледное лицо мертвеца». Я захлопнул книгу, положил ее на ящик для белья и остался сидеть почти не дыша.

Не знаю, сколько я просидел: может быть, двадцать минут, а может быть, час. Меня била дрожь. Неожиданно я услышал, что где-то за стеной шумно льется вода. И тут же мужской голос отчетливо произнес:

– Я тебя потом крикну. Спину потрешь.

Я понял, что моя ванная примыкает к ванной другой квартиры, дверь которой выходит в соседний подъезд, понял, что там, совсем близко от меня, люди, живые люди...

Меня осенила такая идея: я тоже наполню свою ванну и залезу в нее. Лежа в теплой воде, зная, что за стеной – совсем близко от меня – человек, я прочитаю самое страшное место в книге, а потом смогу читать «Тома Сойера» хоть целую ночь.

Я отвернул краны как можно сильнее, чтобы моя ванна успела наполниться, пока в соседней квартире шумит вода, и стал раздеваться.

Удивительная вещь – теплая вода! Погрузившись в нее, я почувствовал, как из меня выгнало весь мой страх. Я даже стал «назло» думать о черепахе и нисколько не боялся. Я встал, вытер о полотенце руки, взял книгу, раскрыл ее на самой страшной странице и снова погрузился в воду. Я прочел всю историю с гробокопателями и тоже ничуть не испугался.

Человек за стеной плескался, то снова пускал воду, то закрывал ее и с кем-то громко переговаривался.

– А? Что? Да не похоже. Он, наверное, в кино пошел. Чего? В кино, говорю, пошел.

И вдруг я услышал другой голос. Он звучал уже не за стеной, а за дверью ванной. Это был густой спокойный бас:

– Я думаю, тут метеоспутники свою роль сыграли в прогнозировании: за это лето было очень мало ошибок. – Человек за дверью помолчал, потом заметил: – Интересно, какой дурак оставил свет в ванной?

Я замер. Дверь дернули снаружи. Тот же бас произнес:

– Черт! Почему-то она еще и заперта.

Женский голос сказал:

– Что заперто?

– Да дверь вот заперта. По-видимому, кто-то хлопнул ею и задвижка сама собой закрылась.

Я встал в ванне, вода с меня полилась, и это услышали.

– Кто там? – тревожно крикнул бас, и дверь снова дернули, на этот раз очень сильно.

Я понял, что надо заговорить.

– Одну минутку... Я сейчас...

За дверью воцарилось такое молчание, словно там никого и не было. Потом женский голос произнес, на этот раз совсем тихо:

– Ираклий!.. Что все это значит?

– Шут его знает! – так же тихо произнес Ираклий и снова повысил голос: – Кто там?!

Я открыл дверь. Перед ней, сунув руки в карманы брюк, стоял гражданин лет шестидесяти, в светлом костюме. Он был весь какой-то квадратный: невысокого роста, но очень широкий в плечах. И голова его мне показалась квадратной: широкий угловатый подбородок и седые волосы, стриженные бобриком... И стекла очков у него были не круглые, а прямоугольной формы.

За спиной профессора (я, конечно, понял, что это он) стояла дородная пожилая женщина. Она попятилась, сцепив руки на груди, и тихо произнесла:
– Господи ты боже мой!

– М-да! – промычал профессор. Он дал мне застегнуть последнюю пуговицу и спросил: – Каким образом ты очутился в нашей квартире?

Я ничего не ответил.

– Ну что ж!.. Пойдемте в комнату, – сказал профессор.

Все трое мы пошли в большую комнату. Профессор включил свет, уселся в низкое кресло, закурил. Я стал напротив него. Его жена тоже не села. Она стояла рядом со мной и все время смотрела на меня.

– Что ты здесь делаешь? – спокойно спросил профессор.

– Живу, – ответил я.

– А почему именно здесь?

– Так... – сказал я.

– Господи! Ираклий! – воскликнула жена профессора. – Да это же из двадцать второй квартиры. Ну, помнишь, он козла к себе в дом пустил?

– А-а! – сказал профессор и затянулся сигаретой, продолжая смотреть на меня. – Так кто же тебя сюда поселил? Зинаида? Или Василий?

– Никто не поселил... Я сам...

– Что – сам?

– Поселился... – с трудом выдавил я.

– Так! Значит, сам. А каким же образом ты попал в квартиру, кто тебе открыл дверь?

Я хотел было сказать, что случайно увидел дверь открытой и вошел, но тут же подумал, что Зинке с Васькой и за это может попасть.

– Я... я сам дверь открыл...

– Сам, значит. Отмычкой? Или подобрал ключи?

– Подобрал, – сказал я чуть слышно.

– Господи ты боже мой! – снова прошептала жена профессора, но сам он остался невозмутимым.

– Так! Подобрал сразу два ключа. И где же они?

Я огляделся по сторонам.

– Тут где-то... Я, кажется... кажется, я их где-то потерял.

– Так! Потерял. – Профессор придвинулся вместе с креслом поближе ко мне.

– Слушай! Но что все-таки тебя заставило обосноваться в нашей квартире да еще принимать тут ванну?

Тут я заплакал.

– Ну довольно тебе его мучить! – вскрикнула профессорша. – Не видишь – он весь трясется! Ему валерьянки надо дать!

Она ушла из комнаты.

Профессор побарабанил пальцами по ручке кресла.

– Так-так, старый взломщик! Ну а дома у тебя кто-нибудь есть?

– Есть... – ответил я.

Профессорша принесла мне рюмку с валерьяновыми каплями, заставила подобрать рассыпанные по коридору сухари, и мы все трое пошли ко мне домой.

Я сразу юркнул к себе в комнату и не слышал толком, о чем разговаривали взрослые.

Тетя Соня говорила приглушенно, но очень взволнованно, а профессор и его жена то и дело смеялись, причем профессор смеялся не басом, а, наоборот, тоненьким голоском.

* * *

И ночью (я вернулся в одиннадцать), и на следующее утро тетя Соня со мной не разговаривала. Но в конце завтрака она все-таки обратилась ко мне:

– Алексей! Так уж и быть, я о твоих художествах отцу с матерью не скажу, но в таком случае и ты не проговоришься. А то получится, будто я тебя покрываю.

Я кивнул, а сам понял: тете Соне не хочется, чтобы родители узнали о ее педагогических «успехах».

Дождь на некоторое время перестал. Выглянув в окно, я увидел, что возле мокрой скамейки стоят Аглая, Дудкин и оба Брыкины. Они взволнованно о чем-то говорили, указывая то на окна профессорской квартиры, то на мои. Я решил выйти и объяснить им, что я никого не выдал.

Когда я появился во дворе, все они повернулись в одну сторону и уставились на меня. У Аглаи было примерно такое выражение: «Ой! Что-то он сейчас скажет?!» У Дудкина – такое: «Сейчас я ему морду набью!» Лица Брыкиных ничего не выражали: рты у них были полуоткрытые, а глаза мутные.

Я не чувствовал за собой никакой вины, но все-таки приближался к ним с опаской, не торопясь. Но прежде чем я к ним подошел, все они стали смотреть куда-то в другую сторону. Посмотрел туда же и я. Из подъезда вышел профессор. Он был в плаще и в берете, с сумкой для продуктов в руке. Он собирался пройти мимо, но вдруг увидел меня, увидел ребят и направился к нам.

– Василий и Зинаида! – сказал он строгим голосом. – За то, что вы добросовестно поливали цветы, вам полагается по плитке шоколада. Если подождете с полчаса, я их принесу.

Он подмигнул мне и пошел к воротам.

Вот и все!

Тетя Соня перестала меня воспитывать, зато и утратила ко мне всякий интерес. Наскоро приготовив обед, она исчезала до вечера, а раза два и ночевать не пришла, сказав по телефону, что плохо себя чувствует. В такие вечера Аглая, Брыкины, Дудкин и Юра собирались у меня и пили чай.

Дождь теперь лил почти не переставая, и папа с мамой вернулись из своей поездки на четыре дня раньше срока.

На этот раз в квартире у меня был полный порядок.

1

ДОСААФ – Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту.
Организация занимается патриотическим воспитанием молодежи,
подготовкой к военной службе, проводит спортивные соревнования и т. д.

2

Теперь – улица Покровка.

3

Шпангóут – поперечное ребро корпуса судна.

4

Юзом – скользя, волоком.